

ДАЙДЖЕСТ НОВОСТЕЙ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ БАНКРОТСТВА

Выпуск №15

Дайджест новостей правового регулирования банкротства /январь - февраль 2018 года/

Оглавление:

I. НОВОСТИ ИНСТИТУТА.....	4
II. ОСНОВНЫЕ НОВЕЛЛЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О БАНКРОТСТВЕ И ГРОМКИЕ БАНКРОТСТВА	5
1. Законопроекты	5
2. Законы, вступившие в силу	6
3. Громкие банкротства	6
<i>Банки .....</i>	<i>6</i>
<i>Строительство .....</i>	<i>7</i>
<i>Торговля .....</i>	<i>7</i>
<i>Транспорт, инфраструктура .....</i>	<i>7</i>
<i>Банкротство физических лиц .....</i>	<i>7</i>
III. СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ВЕРХОВНОГО СУДА.....	7
<i>Процессуальные вопросы разбирательства дела о банкротстве. ....</i>	<i>7</i>
<i>Правовой статус арбитражного управляющего, жалобы на его действия, вознаграждение, расходы по делу о банкротстве. ....</i>	<i>8</i>
<i>Установление требований, защита от злоупотребления в делах о банкротстве. ....</i>	<i>11</i>
<i>Залог и поручительство при банкротстве. ....</i>	<i>15</i>
<i>Оспаривание сделок должника. ....</i>	<i>17</i>
<i>Субсидиарная ответственность лиц при банкротстве, взыскание убытков. ....</i>	<i>26</i>
<i>Банкротство граждан.....</i>	<i>28</i>

Банкротство застройщиков.....	29
Прочие вопросы.....	30
IV. НОВЫЕ НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ В СФЕРЕ БАНКРОТСТВА:	32
1. Монографии	32
2. Диссертации	32
3. Статьи	32
Журнал "Арбитражная практика для юристов".....	32
Журнал "Юрист компании"	32
Журнал "Вестник экономического правосудия"	33
Журнал "Хозяйство и право"	33
4. Блоги	33

Уважаемые коллеги и дорогие друзья!

Мы рады представить вам 15-й выпуск Дайджеста новостей правового регулирования банкротства за период с января по февраль 2018 года.

В этот раз наиболее интересным и богатым на события нам показался раздел, посвященный громким банкротствам. Это и не удивительно, ведь именно сейчас арбитражными судами начинает рассматриваться огромная масса заявлений, поданных в конце 2017 года. С 1 января 2018 года вступали в силу новые требования по раскрытию информации о планах обратиться в суд с заявлением о признании должника банкротом. Штатные юристы и консультанты старались успеть подать соответствующие заявления по старым правилам и избежать тем самым дополнительных финансовых и временных затрат.

Отдельного внимания заслуживают работы коллег, которые негу новогодних каникул променяли на подготовку научных статей, публикаций и блогов. Ожидаемо информационным поводом номер один стало Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 "О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве".

Так и хочется сказать, что "к счастью" среди субъектов законодательной инициативы подобного рвения не наблюдалось. Всего один законопроект по интересующей нас теме был внесен в Госдуму за исследуемый период. Проект инициирован Верховным Судом РФ, что существенно увеличивает вероятность принятия предлагаемых поправок именно в том виде, в котором они и были первоначально заявлены.

И как всегда: практика, практика и еще раз практика. В этот раз мы подошли к описанию конкретных кейсов более детально. Надеемся, что данный формат найдет своих поклонников.

С уважением,

Алексей Мороз,

адвокат, магистр частного права (РШЧП), к.э.н., управляющий партнер АБ "Эксиора" город Москва

I. НОВОСТИ ИНСТИТУТА

- В расписании образовательных мероприятий Юридического института «М-Логос» имеются следующие программы повышения квалификации, принять участие в которых Институт предлагает подписчикам Дайджеста:

Пятидневный семинар повышения квалификации «[Практические вопросы подготовки и ведения судебных дел: актуальные практические и процессуальные вопросы](#)» (Москва, 02 - 06 апреля 2018 г., формат обучения – дневной).

Четырехдневный семинар повышения квалификации «[Субсидиарная ответственность при банкротстве: новеллы законодательства и актуальная судебная практика](#)» (Москва, 31 мая – 1 июня 2018 г., формат обучения – дневной).

Долгосрочная программа повышения квалификации «[Банкротство юридических лиц и граждан: анализ актуальных новелл законодательства и практики применения \(52 ак. часа\)](#)» (Москва, 22 мая – 04 июля 2018 г., формат обучения – вечерний).

Онлайн семинар повышения квалификации «[Практикум по доказыванию и взысканию убытков и судебных расходов: правовые и практические аспекты \(20 ак. часов\)](#)» (Москва, 09 – 27 апреля 2018 г., формат обучения – онлайн).

Онлайн семинар повышения квалификации «[Практические вопросы подготовки и ведения судебных дел: актуальные практические и процессуальные вопросы \(45 ак. часов\)](#)» (Москва, 21 мая – 15 июня 2018 г., формат обучения – онлайн).

- На сайте электронного издательства М-Логос www.m-lawbooks.ru стал доступен для свободного, бесплатного скачивания в электронном формате второй том в рамках серии комментариев к гражданскому законодательству #Глосса под названием «Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к ст. 158-203 ГК РФ». Книга под общей ред. А.Г. Карапетова объемом более 1 200 страниц охватывает большое число острых вопросов применения указанных норм ГК и отражает практически всю релевантную судебную практику высших судов.

Авторский коллектив: В.В. Байбак, Р.С. Бевзенко, С.Л. Будылин, А.А. Громов, А.Г. Карапетов, Д.В. Новак, А.А. Новицкая, А.А. Павлов, Е.А. Папченкова, С.В. Сарбаш, Д.О. Тузов. Те из вас, кто учился или учится у нас сейчас на курсах по договорному праву, уже знакомы со многими из авторов

Электронная книга опубликована в свободном доступе при поддержке ряда российских юридических фирм: «Art de Lex», «Бартолиус», «DS Law», «Интеллект-С», «Качкин и партнёры», «КИАП», «Савельев, Батанов и партнёры», «Томашевская и партнёры», «Трубор», «ФБК Право», «Эксиора».

Скачать книгу в электронном виде в форматах pdf, ePub, fb2 и mobi бесплатно можно здесь: <http://m-lawbooks.ru/index.php/product/sdelki-predstavitelstvo-iskovaya-davnost-postateynyiy-kommentariy-k-st-153-208-gk-rf-pod-red-a-g-karapetova/>

Бумажную книгу можно приобрести на сайте издательства «Статут» <http://www.estatut.ru/book/1223/>

- На сайте www.m-lawbooks.ru доступна покупка видеозаписи курса «[ДОГОВОРНОЕ ПРАВО: актуальные практические вопросы](#)». Видеокурс состоит из 18 лекций общей продолжительностью – 57 ак. часов. Вы можете купить как курс в целом, так и отдельные видеолекции по конкретным темам. Видеолекции можно смотреть на любом устройстве (ПК, ноутбук, планшет и даже смартфон). К каждой видеолекции прилагается значительный объем материалов для дополнительного чтения. Лекторы: А.Г. Карапетов, Р.С. Бевзенко, А.А. Павлов, М.Л. Башкатов.

- На нашем сайте электронных юридических книг www.m-lawbooks.ru этой осенью опубликованы следующие новинки юридической литературы:

Султанов А.Р. [Борьба за правовую определенность или поиск справедливости](#). М., 2017

Шелкунов А.Д. [Принцип нейтральности налога на добавленную стоимость](#). М., 2017

Бевзенко Р.С. [Земельный участок с постройками на нем: введение в российское право недвижимости](#). М., 2017.

Глухов Е.В. [Корпоративный договор: подготовка и согласование при создании совместного предприятия](#). М., 2017.

Асосков А.В. [Коллизионное регулирование договорных обязательств](#). М., 2017.

Асосков А.В. [Основы коллизионного права](#). М., 2017 (бесплатно!)

Полный каталог электронных книг по праву см. www.m-lawbooks.ru

- На сайте Института опубликованы следующие дайджесты правовых новостей:

[Дайджест новостей российского и зарубежного частного права](#) (за январь 2018 г., отв. ред. А.Г.

Карапетов).

[Дайджест новостей процессуального права](#) (за декабрь 2017г. – январь 2018г., отв. ред. Д.Е. Дугинов)

[Дайджест новостей антимонопольного права](#) (за ноябрь – декабрь 2017г., отв. ред. О.А. Москвитин)

[Дайджест новостей налогового права](#) (за октябрь - декабрь 2017 г., отв. ред. Д.М. Щекин)

[Дайджест новостей торгового и потребительского права](#) (за 4 квартал 2017 года, отв. ред. В.А. Белов)

- На сайте Юридического института «М-Логос» опубликованы видеозаписи, а также тезисы докладчиков презентации книги, который Институт организовал в феврале 2018 г.:

[Презентация II тома из серии комментариев гражданского законодательства #ГЛОССА «СДЕЛКИ, ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО, ИСКОВАЯ ДАВНОСТЬ: постатейный комментарий к статьям 153-208 ГК РФ»](#)

II. ОСНОВНЫЕ НОВЕЛЛЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О БАНКРОТСТВЕ И ГРОМКИЕ БАНКРОТСТВА

1. Законопроекты

[Законопроект №383208-7 "О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации"](#)

Дата внесения: 07.02.2018 г.

Инициатор: Верховный Суд Российской Федерации

Комитеты: Комитет Государственной Думы по государственному строительству и законодательству

Из пояснительной записки к законопроекту:

В ГПК РФ, АПК РФ и КАС РФ предлагается внести ряд изменений общего характера, призванных модернизировать сходные процессуальные институты и правовые нормы, регулирующие порядок рассмотрения гражданских и административных дел в судах общей юрисдикции и в арбитражных судах. Кроме того, проект содержит изменения отдельных положений кодексов об особенностях рассмотрения некоторых категорий дел, а также вносит изменения корреспондирующего характера в некоторые федеральные законы.

Разработчики проекта полагают, что в условиях новых правовых реалий формирование предметов ведения судов общей юрисдикции и арбитражных судов, объединенных конституционной компетенцией Верховного Суда Российской Федерации, должно производиться посредством института подсудности с использованием его отличительных особенностей.

В целях реализации данного предложения законопроект исключает из кодексов, а также из некоторых федеральных законов (**в т.ч. из ФЗ "О несостоятельности (банкротстве)"*) термин "подведомственность" применительно к разграничению полномочий судов общей юрисдикции и арбитражных судов.

Согласно предложенным изменениям по общему правилу все судебные решения, принятые по делам, рассмотренным в порядке гражданского судопроизводства, будут состоять из вводной и резолютивной частей. В полном объеме такие решения изготавливаются только по заявлению участвующих в деле лиц, их представителей, в случае подачи апелляционной жалобы, а также в случаях, установленных законом. Кроме того, мотивированное решение может быть составлено по инициативе самого суда.

В целях защиты прав граждан и организаций законопроект выделяет определенные категории дел, наиболее значимые с точки зрения социальной и экономической направленности, по которым составление мотивированного решения всегда будет являться обязательным (проектируемые ч. 2 ст. 199 ГПК РФ, ч. 6 ст. 176 АПК РФ). К ним, в частности, законопроект относит дела, связанные с защитой прав детей; дела о выселении граждан из жилых помещений без предоставления других жилых помещений; дела о защите прав, свобод и законных интересов неопределенного круга лиц; дела о защите пенсионных прав; дела о

банкротстве; дела по корпоративным спорам; дела, относящиеся к подсудности Суда по интеллектуальным правам и ряд других дел.

[Законопроект №340620-7: "О внесении изменений в Федеральный закон "О несостоятельности \(банкротстве\)" в части совершенствования регулирования защиты прав работников, бывших работников должника в ходе дела о банкротстве"](#).

Дата внесения в ГД: 14.12.2017 г.

Инициатор: Правительство РФ

Комитеты: Комитет ГД по природным ресурсам, собственности и земельным отношениям (ответственный), Комитет ГД по природным ресурсам, собственности и земельным отношениям (профильный)

Статус: законопроект принят в первом чтении 22.02.2018 г.

Из пояснительной записки к законопроекту:

В целях обеспечения дополнительных гарантий удовлетворения требований работников, бывших работников и недопущения возникновения социальной напряженности в их среде законопроектом предлагается предоставить право субъектам Российской Федерации и муниципальным образованиям в ходе процедур, применяемых в деле о банкротстве, погашать требования кредиторов второй очереди. В случае удовлетворения субъектом Российской Федерации или муниципальным образованием требований кредиторов второй очереди размер и очередность их требований предлагается учитывать в реестре требований кредиторов в размере и очередности, аналогичных удовлетворенным ими требованиям.

2. Законы, вступившие в силу

[Федеральный закон от 29.07.2017 № 281-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования обязательных требований к учредителям \(участникам\), органам управления и должностным лицам финансовых организаций"](#)

Вступил в силу 28.01.2018 г.

[Федеральный закон от 29.07.2017 года № 218-ФЗ "О публично-правовой компании по защите прав граждан - участников долевого строительства при несостоятельности \(банкротстве\) застройщиков и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации"](#)

Положения, вносящие изменения в ФЗ "О несостоятельности (банкротстве)", вступили в силу с 01.01.2018 г.

[Федеральный закон от 27.11.2017 г. № 335-ФЗ "О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации"](#)

Положения, связанные с банкротством, вступили в силу 01.01.2018 г.

3. Громкие банкротства

Банки

[АСВ добилось "разворота" предбанкротной сделки ЦБ и "Татфондбанка"](#)

[ЦБ подал иски о банкротстве двух банков](#)

[Компания "Когалымавиа" обанкротилась](#)

[Суд вновь признал законным введение временной администрации в "Югре"](#)

Строительство

["Главмосстрой" заплатит 232 млн неустойки вместо 1,4 млрд рублей](#)

Торговля

[Суд не привлек Кехмана к субсидиарной ответственности в рамках банкротства JFC](#)

Транспорт, инфраструктура

[Владельца части таксопарка "Яндекс.Такси" и Gett признали банкротом.](#)

["Трансаэро" подало в суд на разработавшую ему антикризисный план компанию](#)

[Сбербанк подал иски о банкротстве компаний автодилера "Независимость"](#)

[Суд ввел процедуру наблюдения в дистрибьюторе Honda](#)

Банкротство физических лиц

[Суд признал долги сына Черномырдина на 18 млрд руб.](#)

III. СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ВЕРХОВНОГО СУДА

Процессуальные вопросы разбирательства дела о банкротстве.

[Определение ВС РФ от 23.01.18 № 305-ЭС17-14513](#)

Временный управляющий должника не подлежит привлечению в дело с участием должника на стадии рассмотрения его Верховным судом, если процедура наблюдения в отношении лица была введена после рассмотрения дела судами первой, апелляционной и кассационной инстанций.

Допущенный к участию в заседании Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации в качестве представителя соистца его временный управляющий не оспаривал того обстоятельства, что судами первой и апелляционной инстанции не допущено процессуальных нарушений относительно определения состава лиц, участвующих в деле, поскольку процедура банкротства - наблюдение в отношении соистца была введена уже после рассмотрения дела указанными судебными инстанциями, заявил письменное ходатайство о привлечении его к участию в деле в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора.

Ходатайство временного управляющего соистца о привлечении его к участию в деле в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора, удовлетворению не подлежит по следующим основаниям.

В п. 43 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22.06.2012 № 35 "О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве" (далее – постановление Пленума № 35), разъяснено, что суд, рассматривающий иски имущественного характера, истцом или ответчиком по которым является должник, по своей инициативе или по ходатайству временного управляющего либо должника привлекает временного управляющего к участию в деле в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора, на стороне должника (ст. 51 АПК РФ).

Таким образом, вопрос о составе лиц, участвующих в деле, разрешается судом, рассматривающим спор по существу. Назначение временного управляющего произошло в связи с введением в отношении данного юридического лица процедуры банкротства - наблюдение уже после рассмотрения дела судами всех трех инстанций, в связи с чем вопросы о расширении состава лиц, участвующих в деле, не могли быть

предметом рассмотрения судов и, следовательно, отсутствуют основания полагать, что при разрешении спора допущены нарушения норм процессуального закона.

Правовой статус арбитражного управляющего, жалобы на его действия, вознаграждение, расходы по делу о банкротстве.

[Определение ВС РФ от 29.01.2018 № 310-ЭС17-13555](#)

Тот факт, что ранее ФНС как заявитель в деле о банкротстве и один из конкурсных кредиторов в связи с пропуском срока давности проиграла поданный ею к конкурсному управляющему иск о взыскании убытков в пользу организации-должника, основанный на установленном ранее судом факте нарушения управляющим своих обязанностей, не препятствует ФНС после завершения процедур банкротства и ликвидации организации-должника рассчитывать на удовлетворение нового, уже прямого иска к тому же управляющему о взыскании в свою пользу убытков в сумме того вознаграждения, которое согласно определению арбитражного суда ФНС как заявитель в деле о банкротстве была вынуждена заплатить конкурсному управляющему и ряду третьих лиц. Неоспаривание ФНС определения арбитражного суда о возложении на нее как на заявителя в деле о банкротстве расходов само по себе не мешает ФНС добиться возврата уплаченных согласно данному судебному акту средств в новом судебном процессе.

Срок давности по такому иску, основанному на совершенном конкурсным управляющим в ходе дела о банкротстве нарушении и состоящему в возмещении возникших у ФНС в конечном итоге убытков, следует считать не с момента, когда ФНС узнала о самом нарушении, а с момента, когда в результате этого нарушения у ФНС возникли убытки в виде взысканных с нее расходов.

Моменты получения истцом (заявителем) информации об определенных действиях ответчика и о нарушении этими действиями его прав могут не совпадать. При таком несовпадении исковая давность исчисляется со дня осведомленности истца (заявителя) о негативных для него последствиях, вызванных поведением нарушителя.

Обращаясь с заявлением о возмещении убытков в рамках дела о банкротстве артели, уполномоченный орган, действуя в интересах гражданско-правового сообщества, объединяющего всех кредиторов, полагал, что в результате необоснованного завышения текущих расходов на оплату услуг привлеченного лица пострадали интересы данного сообщества, что выразилось в невозможности наиболее полного погашения требований кредиторов.

Предъявляя иск по настоящему делу, ФНС России преследовала защиту другого материального интереса, заключающегося в минимизации собственных расходов – судебных расходов и расходов на выплату вознаграждения арбитражному управляющему, отнесенных на уполномоченный орган на основании п. 3 ст. 59 Закона о банкротстве как на кредитора с особым статусом – заявителя по делу о банкротстве.

Суды апелляционной инстанции и округа не приняли во внимание, что заявитель по делу о банкротстве объективно имеет интересы, выходящие за рамки интересов обычного кредитора. Так, основной интерес кредитора состоит в получении из конкурсной массы денежных средств в счет погашения обязательства должника (интерес в приросте имущества кредитора за счет конкурсной массы). Интерес же заявителя по делу о банкротстве, помимо этого, состоит и в том, чтобы на него не были переложены негативные последствия нехватки у должника средств на финансирование процедур несостоятельности (интерес в недопущении уменьшения имущественной массы заявителя в результате инициирования им дела о банкротстве).

Срок исковой давности для ФНС России как кредитора артели (истца по заявленному в деле о банкротстве косвенному иску), действительно, начал течь с момента осведомленности уполномоченного органа о совершении арбитражным управляющим незаконных действий по расходованию средств должника, поскольку именно с этого момента кредитор не мог не знать о нарушении его права на получение причитающегося из конкурсной массы.

О нарушении же права заявителя по делу о банкротстве (о посягательстве на уже имеющееся у заявителя имущество) последний должен узнать в момент, когда он объективно имел возможность получить информацию о совокупности фактов: о противоправном расходовании управляющим конкурсной массы, о недостаточности оставшееся конкурсной массы для погашения судебных расходов и расходов на выплату

вознаграждения арбитражному управляющему и о предъявления заявителю требования о компенсации названных расходов за его счет.

Следовательно, оснований для признания срока исковой давности пропущенным по мотивам, приведенным судами апелляционной инстанции и округа, не имелось.

В рассматриваемом случае в цену иска ФНС России включила два вида своих затрат: во-первых, суммы, взысканные с нее в пользу арбитражного управляющего в качестве его вознаграждения; во-вторых, суммы, взысканные с уполномоченного органа в пользу лиц, привлеченных для обеспечения проведения процедур банкротства.

Если возложение на заявителя по делу о банкротстве расходов на выплату вознаграждения арбитражному управляющему вызвано неправомерным расходованием самим арбитражным управляющим конкурсной массы, по общему правилу защита соответствующего права (интереса) заявителя должна осуществляться через подачу им возражений со ссылкой на недопустимость извлечения управляющим преимуществ из своего незаконного или недобросовестного поведения (п. 4 ст. 1 ГК РФ РФ). Такие возражения должны быть поданы заявителем и рассмотрены судом при разрешении ходатайства арбитражного управляющего о взыскании вознаграждения с заявителя по делу о банкротстве.

Применительно к настоящему делу ФНС России после завершения конкурсного производства в отношении артели при разрешении требования о взыскании вознаграждения конкурсного управляющего могла возражать против возложения на нее убытков, указывая на необходимость отказа в удовлетворении требования управляющего.

Однако соответствующие возражения не были рассмотрены судом при разрешении обособленного спора о взыскании вознаграждения. По смыслу разъяснений, изложенных в абз. 3 п. 5 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 25.12.2013 № 97 "О некоторых вопросах, связанных с вознаграждением арбитражного управляющего при банкротстве", если вопрос (возражение) о снижении вознаграждения арбитражного управляющего не был рассмотрен судом при установлении соответствующего вознаграждения, участвующее в деле о банкротстве лицо вправе потребовать от управляющего возврата соответствующей части выплаченной ему суммы. Данные разъяснения в силу п. 1 ст. 3 Федерального конституционного закона от 04.06.2014 № 8-ФКЗ "О внесении изменений в Федеральный конституционный закон "Об арбитражных судах в Российской Федерации" и ст. 2 Федерального конституционного закона "О Верховном Суде Российской Федерации" являются действующими и обязательными к применению.

Таким образом, в этой части не исключалась возможность предъявления ФНС России иска о возврате управляющим суммы вознаграждения уполномоченному органу.

В отношении второго вида затрат судебная коллегия исходит из следующего.

При рассмотрении обособленных споров о взыскании с уполномоченного органа в пользу третьих лиц вознаграждения за услуги, оказанные ими в процедурах банкротства, ФНС России в качестве возражения в принципе не могла ссылаться на внутренние отношения кредиторов с арбитражным управляющим, касающиеся предыдущего расходования конкурсной массы (п. 3 ст. 308 ГК РФ). Поэтому в данной части в рамках упомянутых обособленных споров расходы в любом случае подлежали взысканию с уполномоченного органа. При этом такое взыскание не освобождало виновное лицо от выплаты заявителю компенсации в возмещение возникших убытков.

Таким образом, заявленное уполномоченным органом в настоящем деле требование о возврате управляющим полученного им вознаграждения и о последующем переложении на него расходов на оплату услуг привлеченных лиц (п. 1 и 3 ст. 59 Закона о банкротстве) как на лицо, виновное в недостаточности средств должника на их покрытие, является допустимым средством правовой защиты, который мог быть применен в настоящем деле (п. 1 ст. 393 ГК РФ).

[Определение ВС РФ от 05.02.2018 № 306-ЭС14-6837](#)

Распределение на основании соглашения общей суммы вознаграждения между двумя управляющими, сменившими один другого, каждый из которых в определенный период времени являлся исполнителем услуг по антикризисному управлению, будучи спором двух соисполнителей, не затрагивает интересы конкурсной массы, должника и его кредиторов.

При этом соглашение арбитражных управляющих об отказе одного из них от причитающейся ему суммы процентов не может быть квалифицировано в качестве дарения либо отказа от права на проценты, потому как в силу закрепленного в ст. 421 ГК РФ принципа свободы договора арбитражные управляющие как исполнители, действовавшие независимо друг от друга, каждый из которых оказывал в одной процедуре банкротства услуги по антикризисному управлению, вправе заключить

соглашение о непропорциональном распределении причитающегося от должника исполнения (о разделе между собой общей платы за оказанные услуги) исходя из их собственной, согласованной оценки вкладов друг друга в конечный результат.

Второй конкурсный управляющий акционерного общества обратился в суд с заявлением об установлении размера процентов конкурсного управляющего. Для совместного рассмотрения с указанным заявлением объединено заявление Общества об установлении размера процентов временного и первого конкурсного управляющих должником, которые последний передал Обществу на основании договора уступки права требования.

Суд первой инстанции удовлетворил требование второго конкурсного управляющего, принял отказ Общества от установления размера процентов временного управляющего и отказал Обществу в установлении размера процентов первоначального конкурсного управляющего с учетом того, что между указанными арбитражными управляющими было заключено соглашение, в соответствии с которым его стороны договорились о распределении процентов по вознаграждению конкурсных управляющих в пользу управляющих, утвержденных после отстранения первоначального конкурсного управляющего (уступившего свои права Обществу) от исполнения возложенных на него обязанностей, и зафиксировали отказ указанного управляющего от каких-либо притязаний на получение суммы процентов.

Суды апелляционной и кассационной инстанций сочли, что соглашение, предусматривающее отказ бывшего временного и исполнявшего обязанности конкурсного управляющего от права на получение процентов, является ничтожным отказом от права, сославшись на п. 2 ст. 9 ГК РФ. Кроме того, суд апелляционной инстанции квалифицировал данное соглашение как договор дарения. Соглашение признано судом апелляционной инстанции ничтожным обещанием подарить (абз. 2 п. 2 ст. 572 ГК РФ), не содержащим указания на конкретный размер передаваемой в дар суммы процентов, которая к тому времени еще не была достоверно определена ввиду незавершения мероприятий по реализации конкурсной массы. Оно одновременно признано и незаключенным договором дарения (абз. 1 п. 1 ст. 572 ГК РФ) вследствие того, что дарение возможно только в отношении конкретных лиц, а не в пользу одаряемых, круг которых точно не был определен в момент заключения соглашения.

При этом суды нижестоящих инстанций не учли следующего.

Правовая природа вознаграждения арбитражного управляющего носит частноправовой встречный характер (п. 1 ст. 328 ГК РФ) и является, по своей сути, платой за оказанные услуги по антикризисному управлению. Обязанность по выплате вознаграждения по общему правилу относится на должника (п. 2 ст. 20.6 Закона о банкротстве).

В отношениях должника и арбитражного управляющего встречный характер вознаграждения проявляется в том, что арбитражный управляющий не может быть лишен права на его получение, если им выполнялись возложенные на управляющего обязанности в процедуре банкротства, за исключением случаев, когда будет установлено, что арбитражный управляющий ненадлежащим образом исполнял свои обязанности, фактически уклонялся от осуществления своих полномочий, либо знал об отсутствии оснований для продолжения осуществления своих обязанностей (постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 28.05.2013 № 12889/12).

В рассматриваемой ситуации в ходе одной процедуры банкротства (конкурсного производства) полномочия арбитражного управляющего осуществлялись несколькими лицами. При этом отсутствуют какие-либо разногласия относительно совокупной суммы вознаграждения, причитающейся данным лицам за счет должника.

По сути, в настоящем деле спор свелся не к исследованию отношений между должником и арбитражными управляющими, а к распределению общей суммы вознаграждения между двумя управляющими, сменившими один другого, каждый из которых в определенный период времени являлся исполнителем услуг по антикризисному управлению. Подобный спор, будучи спором двух соисполнителей, не затрагивает интересы конкурсной массы, должника и его кредиторов.

Соглашением, заключенным между арбитражными управляющими, правомерные ожидания первоначального конкурсного управляющего относительно получения им фиксированной части вознаграждения не подвергались сомнению. Таким образом, упомянутое соглашение не направлено на лишение его права на получение вознаграждения как такового.

[Определение Верховного Суда РФ от 29.01.2018 № 304-ЭС16-694 \(8\)](#)

Включение в соглашение о добровольном возмещении вреда условия о периодическом характере платежей свидетельствует лишь о согласовании сторонами порядка исполнения обязательства по компенсации причиненного вреда. Если после начала внесения данных периодических платежей против должника возбуждается дело о банкротстве, квалификация соответствующих начислений в качестве текущих требований не соответствует закону.

Заключенное объединением и Орловой Т.Д. добровольное соглашение о выплате работодателем дополнительной компенсации матери в связи со смертью ее совершеннолетнего сына на производстве действующему законодательству не противоречит, несмотря на то, что мать в рассматриваемом случае, не являлась нетрудоспособной и не находилась на иждивении умершего (ст. 421 ГК РФ).

Для квалификации денежного требования, предусмотренного соглашением, в качестве текущего либо реестрового по смыслу ст. 5 Закона о банкротстве необходимо было установить момент его возникновения и соотнести этот момент с моментом возбуждения дела о банкротстве.

Требование, возникшее до возбуждения дела о несостоятельности, подлежало признанию реестровым. Указывая на текущий характер заявленного Орловой Т.Д. требования, суды апелляционной инстанции и округа сослались на разъяснения, изложенные в п. 2 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23.07.2009 № 63 "О текущих платежах по денежным обязательствам в деле о банкротстве", и условие соглашения, предусматривающее периодическое внесение должником компенсационной платы. Однако приведенные разъяснения касаются требований, вытекающих из длящихся обязательств, где, как правило, имеет место периодическое двустороннее встречное предоставление (договоры аренды, хранения, оказания коммунальных услуг и услуг связи, о снабжении через присоединенную сеть энергией и т.д.). В основу же требования Орловой Т.Д. (в отличие от упомянутых требований) положен лишь один факт – гибель ее сына на производстве, ставший причиной заключения соглашения с работодателем.

Иные основания для осуществления ежемесячных выплат матери погибшего отсутствуют. Включение в соглашение условия о периодическом характере платежей свидетельствует лишь о согласовании сторонами порядка исполнения обязательства по компенсации причиненного вреда, который не влияет на квалификацию соответствующего требования в качестве текущего либо реестрового.

Поэтому, приняв во внимание момент причинения вреда жизни работника – до возбуждения в отношении работодателя дела о банкротстве, суд первой инстанции обоснованно признал требование Орловой Т.Д. подлежащим включению в реестр требований кредиторов объединения.

В связи с невозможностью определения продолжительности жизни гражданина суд первой инстанции верно произвел начисление выплат до достижения Орловой Т.Д. семидесятилетнего возраста и отнес ее требование о выплате добровольной компенсации, вытекающее из факта причинения вреда жизни, к первой очереди удовлетворения (п. 1 ст. 6 ГК РФ, абз. 2 п. 4 ст. 134, п. 1 ст. 135 Закона о банкротстве).

[Определение ВС РФ от 05.02.2018 № 305-ЭС17-14948](#)

В условиях банкротства должника и конкуренции его кредиторов возможны ситуации, когда "дружественный" с должником кредитор инициирует судебный спор по мнимой задолженности с целью получения внешне безупречного судебного акта для последующего включения в реестр требований кредиторов.

Арбитражный управляющий и конкурирующий кредитор, оспаривающие судебный акт, на основании которого "дружественный" кредитор включается в реестр, ограничены в возможности предоставления достаточных доказательств, подтверждающих свои доводы. В то же время они должны заявить такие доводы и (или) указать на такие прямые или косвенные доказательства, которые с разумной степенью достоверности позволили бы суду усомниться в достаточности и достоверности доказательств, представленных должником и "дружественным" кредитором. Бремя опровержения этих сомнений лежит на последнем. При этом суды апелляционных инстанций, рассматривая жалобы на подобный судебный акт, не должны отказывать управляющему и конкурирующему кредитору в принятии дополнительных доказательств, потому как последние не имели объективной возможности предоставления их суду первой инстанции.

Получив по договору уступки от подрядчика права требования к заказчику, Общество взыскало с заказчика задолженность по указанному договору и впоследствии обратилось в арбитражный суд с заявлением о включении указанной задолженности в реестр требований кредиторов должника-заказчика.

Временный управляющий должника и его конкурсный кредитор, полагая необоснованным решение, на основании которого Общество просило включить его требования в реестр, обжаловали его в апелляционном порядке с ходатайством о восстановлении срока на подачу апелляционных жалоб.

Заявители апелляционных жалоб настаивали на сомнительности обязательств, положенных в основу судебного акта. По их мнению, подрядных правоотношений не было, а задолженность создана искусственно (формально) с целью установления контроля в процедурах банкротства. В подтверждение этой позиции заявители сослались на совокупность обстоятельств: аффилированность заказчика и подрядчика, длительное отсутствие претензий от подрядчика к заказчику вплоть до банкротства последнего, дефекты в исполнительной документации, представленной в суд, признание иска ответчиком без исследования обстоятельств спора. По мнению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ, суды нижестоящих инстанций оставили апелляционные жалобы без удовлетворения необоснованно.

Как правило, судебный спор отражает конфликт между противоборствующими сторонами по поводу различной оценки ими обстоятельств тех или иных правоотношений и (или) применимым к ним нормам права. Результат разрешения судебного спора отражается в судебном акте.

В условиях банкротства должника и конкуренции его кредиторов возможны ситуации, когда "дружественный" с должником кредитор инициирует судебный спор по мнимой задолженности с целью получения внешне безупречного судебного акта для включения в реестр требований кредиторов. Подобные споры характеризуются предоставлением минимально необходимого набора доказательств, пассивностью сторон при опровержении позиций друг друга, признанием сторонами обстоятельств дела или признанием ответчиком иска и т.п. В связи с тем, что интересы "дружественного" кредитора и должника совпадают, их процессуальная деятельность направлена не на установление истины, а на иные цели.

В то же время, подобными судебными актами могут нарушаться права кредиторов, конкурирующих с "дружественным" должнику и имеющих с ним противоположные интересы и, как следствие, реально противоположную процессуальную позицию.

Закон предоставляет право таким кредиторам, а также арбитражному управляющему, обжаловать судебный акт, на котором основано заявленное в деле о банкротстве требование (п. 24 постановления № 35).

По объективным причинам, связанным с тем, что конкурирующие кредиторы и арбитражный управляющий не являлись участниками правоотношений по спору, инициированному "дружественным" кредитором и должником, они ограничены в возможности предоставления достаточных доказательств, подтверждающих свои доводы. В то же время они должны заявить такие доводы и (или) указать на такие прямые или косвенные доказательства, которые с разумной степенью достоверности позволили бы суду усомниться в достаточности и достоверности доказательств, представленных должником и "дружественным" кредитором. Бремя опровержения этих сомнений лежит на последнем. Причем это не должно составить для него затруднений, поскольку именно он должен обладать всеми доказательствами своих правоотношений с несостоятельным должником.

Таким образом, для предотвращения необоснованных требований к должнику и нарушений тем самым прав его кредиторов к доказыванию обстоятельств, связанных с возникновением задолженности должника-банкрота, предъявляются повышенные требования (п. 26 постановления № 35, п. 13 Обзора судебной практики по вопросам, связанным с участием уполномоченных органов в делах о банкротстве и применяемых в этих делах процедурах банкротства (утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 20.12.2016)).

Предъявление к конкурирующим кредиторам высокого стандарта доказывания привело бы к неравенству кредиторов. Для уравнивания кредиторов в правах суд в силу п. 3 ст. 9 АПК РФ должен оказывать содействие в реализации их прав, создавать условия для всестороннего и полного исследования доказательств, установления фактических обстоятельств и правильного применения законов и иных нормативных правовых актов при рассмотрении дела.

Вопреки указанным выше нормам, судебный акт, на основании которого с заказчика взыскана задолженность, принят без учета совокупности доводов конкурирующего кредитора и арбитражного управляющего о мнимости задолженности.

[Определение ВС РФ от 15.02.2018 № 305-ЭС17-17208](#)

Обязательства должника перед своими учредителями (участниками), вытекающие из такого участия (далее – корпоративные обязательства), носят внутренний характер и не могут конкурировать с внешними обязательствами, то есть с обязательствами должника как участника имущественного оборота перед другими участниками оборота. Учредители (участники) должника – юридического лица несут риск отрицательных последствий, связанных с его деятельностью. Как следствие, требования таких лиц по корпоративным обязательствам не подлежат включению в реестр требований кредиторов. Закон не лишает их права на удовлетворение своих требований, однако это право реализуется после расчетов с другими кредиторами за счет оставшегося имущества должника (п. 1 ст. 148 Закона о банкротстве, п. 8 ст. 63 ГК РФ).

Последствия недействительности сделки по увеличению уставного капитала, оформленной решением общего собрания участников должника, хотя и носят реституционный характер (п. 2 ст. 167 ГК РФ), по сути, направлены на уменьшение уставного капитала путем уменьшения номинальной стоимости долей всех участников общества и поэтому не могут конкурировать с требованиями независимых кредиторов, включению в реестр требований кредиторов такое требование не подлежит.

За год до подачи заявления о признании должника банкротом, должник и публичное акционерное общество заключили 22 договора целевого займа, задолженность по которым должник-заемщик в срок не возвратил. Впоследствии общим собранием участников должника увеличен его уставный капитал за счет вклада публичного акционерного общества (участник должника с 50%-ной долей), который оно обязалось в уставный капитал внести. В тот же день должник и общество заключили соглашение о зачете, согласно которому обязательства общества по оплате уставного капитала были погашены путем зачета встречного обязательства к должнику по возврату займов. Впоследствии указанное решение собрания участников должника было признано недействительным.

Суды признали требования публичного акционерного общества к должнику обоснованными и включили их в реестр требований кредиторов должника-заемщика в связи с признанием недействительным решения общего собрания участников должника (сочтя соглашение о зачете незаключенным), исходя из чего, по мнению судов, не имелось оснований для квалификации заемных правоотношений должника и общества как вытекающих из участия последнего в должнике.

Закон о банкротстве (абз. 8 ст. 2) не относит к конкурсным кредиторам учредителей (участников) должника по обязательствам, вытекающим из такого участия, поскольку характер обязательств этих лиц непосредственно связан с их ответственностью за деятельность общества в пределах стоимости принадлежащих им долей. Обязательства должника перед своими учредителями (участниками), вытекающие из такого участия (далее – корпоративные обязательства), носят внутренний характер и не могут конкурировать с внешними обязательствами, то есть с обязательствами должника как участника имущественного оборота перед другими участниками оборота. Учредители (участники) должника – юридического лица несут риск отрицательных последствий, связанных с его деятельностью.

Как следствие, требования таких лиц по корпоративным обязательствам не подлежат включению в реестр требований кредиторов. Закон не лишает их права на удовлетворение своих требований, однако это право реализуется после расчетов с другими кредиторами за счет оставшегося имущества должника (п. 1 ст. 148 Закона о банкротстве, п. 8 ст. 63 ГК РФ).

При предоставлении заинтересованным лицом доказательств, указывающих на то, что требование участника вытекает из факта его участия в обществе, признанном банкротом, на такого участника переходит бремя по опровержению соответствующего довода ("Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 5 (2017)", утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 27.12.2017).

Оспаривая наличие заемных правоотношений между должником и обществом и оценивая эти обязательства как корпоративные, конкурсный управляющий помимо прочего ссылаясь на соглашение этих лиц о зачете встречных требований, где акционерное общество явно и однозначно указало на то, что заемные обязательства прекращены, а денежные средства, причитавшиеся ему от должника-заемщика, являются его вкладом в уставный капитал последнего.

Более того, общество не только выразило свою волю на увеличение уставного капитала посредством зачета требования о возврате займа, но и фактически ее реализовало (соответствующие изменения размера уставного капитала должника и перераспределение долей участия в нем состоялись, данные изменения зарегистрированы в установленном порядке), что в свою очередь впоследствии позволило обществу

пользоваться корпоративными правами с учетом увеличившейся доли (участвовать в собрании, назначать директора и т.п.).

Следовательно, требование акционерного общества в части, касающейся зачтенных сумм, по существу является требованием о возврате взноса в уставной капитал должника, то есть определенно вытекает из отношений фактического участия в последнем.

Вопреки выводам судов и доводам общества недействительность сделки об увеличении уставного капитала должника не является основанием для квалификации реституционного требования участника общества о возврате вклада в уставной капитал как требования о возврате займа вне зависимости от отношений между этими лицами, предшествовавших внесению вклада. Последствия недействительности сделки по увеличению уставного капитала, оформленной решением общего собрания участников должника, хотя и носят реституционный характер (п. 2 ст. 167 ГК РФ), по сути, направлены на уменьшение уставного капитала путем уменьшения номинальной стоимости долей всех участников общества и поэтому не могут конкурировать с требованиями независимых кредиторов.

В силу изложенного выше такое требование не может быть включено в реестр требований кредиторов.

[Определение ВС РФ от 21.02.2018 № 310-ЭС17-17994 \(1, 2\)](#)

При оценке допустимости включения в реестр требований требования участника корпорации о возврате суммы займа при банкротстве должника-корпорации, следует детально исследовать природу соответствующих отношений, сложившихся между должником и займодавцем, а также поведение потенциального кредитора в период, предшествующий банкротству. Предоставление должнику займа (в том числе на льготных условиях) может при определенных обстоятельствах свидетельствовать о намерении займодавца временно компенсировать негативные результаты своего воздействия на хозяйственную деятельность должника. В такой ситуации заем может использоваться вместо механизма увеличения уставного капитала, позволяя на случай банкротства формально нарастить подконтрольную кредиторскую задолженность с противоправной целью последующего уменьшения в интересах должника и его аффилированных лиц количества голосов, приходящихся на долю независимых кредиторов, чем нарушается обязанность действовать в интересах кредиторов и должника. При таких условиях с учетом конкретных обстоятельств дела суд вправе переквалифицировать заемные отношения в отношении по поводу увеличения уставного капитала по правилам п. 2 ст. 170 ГК РФ либо при установлении противоправной цели - по правилам об обходе закона (п. 1 ст. 10 ГК РФ, абз. 8 ст. 2 Закона о банкротстве), признав за прикрываемым требованием статус корпоративного, что является основанием для отказа во включении его в реестр.

Суды нижестоящих инстанций признали обоснованными и включили в реестр требований кредиторов требования займодавца, основанные на невозврате должником-заемщиком задолженности по договору займа, не приняв во внимание доводы временного управляющего об ущемлении прав кредиторов дополнительным соглашением к указанному договору займа (им стороны зафиксировали курс доллара, исходя из которого подлежит исполнению обязательство заемщика по возврату долга, предусмотрели ставку за пользование займом на весь период договора в размере 13 процентов годовых и договорились, что начиная с 11.06.2016 проценты за пользование займом не начисляются).

Однако судами не учтено следующее.

Действующее законодательство о банкротстве не содержит положений, согласно которым очередность удовлетворения требований аффилированных (связанных) с должником кредиторов по гражданским обязательствам, не являющимся корпоративными, понижается. При этом сама по себе выдача займа участником должника не свидетельствует о корпоративном характере требования по возврату полученной суммы для целей банкротства (определения Верховного Суда Российской Федерации от 30.03.2017 № 306-ЭС16-17647, от 06.08.2015 № 302-ЭС15-3973).

Вместе с тем, исходя из конкретных обстоятельств дела суд вправе переквалифицировать заемные отношения в отношении по поводу увеличения уставного капитала по правилам п. 2 ст. 170 ГК РФ либо по правилам об обходе закона (п. 1 ст. 10 РФ, абз. 8 ст. 2 Закона о банкротстве), признав за спорным требованием статус корпоративного. Соответствующая правовая позиция отражена в определениях Верховного Суда Российской Федерации от 06.07.2017 № 308-ЭС17-1556.

Пока не доказано иное, предполагается, что мажоритарные участники (акционеры), голоса которых имели решающее значение при назначении руководителя, своевременно получают информацию о действительном положении дел в хозяйственном обществе. При наличии такой информации

контролирующие участники (акционеры) де-факто принимают управленческое решение о судьбе должника – о даче согласия на реализацию выработанной руководителем стратегии выхода из кризиса и об оказании содействия в ее реализации либо об обращении в суд с заявлением о банкротстве должника.

Поскольку невозможность продолжения хозяйственной деятельности в обычном режиме, как правило, связана с недостаточностью денежных средств, экономически обоснованный план преодоления тяжелого финансового положения предусматривает привлечение инвестиций в бизнес, осуществляемый должником, в целях пополнения оборотных средств, увеличения объемов производства (продаж), а также докапитализации на иные нужды.

Соответствующие вложения могут оформляться как путем увеличения уставного капитала, так и предоставления должнику займов либо иным образом.

При этом, если мажоритарный участник (акционер) вкладывает свои средства через корпоративные процедуры, соответствующая информация раскрывается публично и становится доступной кредиторам и иным участникам гражданского оборота. В этом случае последующее изъятие вложенных средств также происходит в рамках названных процедур (распределение прибыли, выплата дивидендов и т.д.).

Когда же мажоритарный участник (акционер) осуществляет вложение средств с использованием заемного механизма, финансирование публично не раскрывается. При этом оно позволяет завуалировать кризисную ситуацию, создать перед кредиторами и иными третьими лицами иллюзию благополучного положения дел в хозяйственном обществе.

Предоставляя подобное финансирование в тяжелый для подконтрольного общества период деятельности, такой мажоритарный участник должен осознавать повышенный риск невозврата переданной обществу суммы. Если план выхода из кризиса реализовать не удастся, то данная сумма не подлежит возврату, по крайней мере, до расчетов с независимыми кредиторами. В частности, в деле о банкротстве общества требование мажоритарного участника, фактически осуществлявшего докапитализацию, о возврате финансирования не может быть уравнено с требованиями независимых кредиторов (противопоставлено им), поскольку вне зависимости от того, каким образом оформлено финансирование, оно по существу опосредует увеличение уставного капитала. Иной вывод противоречил бы самому понятию конкурсного кредитора (абз. 8 ст. 2 Закона о банкротстве, определение Верховного Суда Российской Федерации от 15.02.2018 № 305-ЭС17-17208).

К тому же изъятие вложенного названным мажоритарным участником (акционером) не может быть приравнено к исполнению обязательств перед независимыми кредиторами и в силу недобросовестности такого поведения (п. 4 ст. 1 ГК РФ). Возврат приобретенного корпоративную природу капиталозамещающего финансирования не за счет чистой прибыли, а за счет текущей выручки должника необходимо рассматривать как злоупотребление правом со стороны мажоритарного участника (акционера).

Залог и поручительство при банкротстве.

[Определение ВС РФ от 14.02.2018 № 305-ЭС17-3098 \(2\)](#)

При рассмотрении судами заявления об оспаривании сделки должника и его залогового кредитора, совершенной с предпочтением, существенное значение имеет объем оказанного кредитору в рамках такой сделки предпочтения. В случае наличия к тому оснований, подобная сделка должна быть признана недействительной в той части, в которой кредитору было оказано предпочтение, и в рамках применения последствий недействительности сделки с залогового кредитора взыскиваются денежные средства только в размере обязательств, погашенных с предпочтением. Признание судом подобной сделки недействительной не должно повлечь ухудшение положения залогового кредитора в той части, в которой обязательство было прекращено без признаков предпочтения.

Конкурсный управляющий обратился с заявлением о признании недействительным заключенного между должником и банком после принятия к производству заявления о признании должника банкротом соглашения о прекращении обязательств предоставлением отступного, применении последствий недействительности сделки. Судами трех инстанций сделка признана недействительной, с банка в пользу должника взысканы денежные средства.

При этом судами не учтено следующее.

Цель оспаривания сделок в конкурсном производстве по специальным основаниям главы III.1 Закона о банкротстве подчинена общей цели названной процедуры – наиболее полное удовлетворение требований кредиторов исходя из принципов очередности и пропорциональности. Соответственно, главный правовой эффект, достигаемый от оспаривания сделок, заключается в поставлении контрагента в такое положение, в котором бы он был, если бы сделка (в том числе по исполнению обязательства) не была совершена, а его требование удовлетворялось бы в рамках дела о банкротстве на законных основаниях.

При этом к тем лицам, которые действуют недобросовестно (то есть осознавая отсутствие оснований для получения предоставления от должника по причине его (будущей) неплатежеспособности и тем самым фактически умышленно причиняя вред остальным кредиторам), может быть применена специальная ответственность в виде понижения очередности удовлетворения восстановленного по признанной недействительной сделке требования (п. 2 ст. 61.6 Закона о банкротстве, п. 27 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23.12.2010 № 63 "О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)" (далее – постановление № 63)).

Поэтому при разрешении вопроса о квалификации той или иной сделки на предмет ее действительности судам следует исходить из перечисленных выше критериев, способствующих выравниванию правового положения кредиторов.

Ключевой характеристикой требования залогодержателя является то, что он имеет безусловное право в рамках дела о банкротстве получить удовлетворение от ценности заложенного имущества приоритетно перед остальными (в том числе текущими) кредиторами, по крайней мере, в части 80 % стоимости данного имущества. Соответственно, если залоговый кредитор получает удовлетворение не в соответствии с процедурой, предусмотренной ст.ст. 134, 138 и 142 Закона о банкротстве, а в индивидуальном порядке (в том числе в периоды, указанные в п.п. 2 и 3 ст. 61.3 данного Закона), он в любом случае не может считаться получившим предпочтение в части названных 80 %.

В части, касающейся объема недействительности сделки и порядка применения реституции, применимы разъяснения, изложенные в п. 29.3 постановления № 63. В частности, общим правилом является то, что признание судом сделки недействительной не может повлечь ухудшение положения залогового кредитора в той части, в которой обязательство было прекращено без признаков предпочтения. При этом в случае невозможности осуществления натуральной реституции (как в настоящем случае), в рамках применения последствий недействительности сделки с залогового кредитора взыскиваются денежные средства только в размере обязательств, погашенных с предпочтением.

Вместе с тем вопреки изложенному подходу к толкованию правовых норм и сложившейся судебной практике суды признали оспариваемую сделку недействительной полностью и так же полностью применили денежную реституцию, не исследовав вопрос об объеме оказанного предпочтения, в то время как данное обстоятельство имело существенное значение для правильного разрешения настоящего обособленного спора. При этом на протяжении рассмотрения дела во всех инстанциях банк со ссылкой на п. 29.3 постановления № 63 указывал, что у должника отсутствуют кредиторы первой и второй очередей, отступным не была погашена неустойка или иные финансовые санкции, предельный объем оказанного предпочтения не превышает 5 %.

[Определение ВС РФ от 19.02.2018 № 306-ЭС17-16194\(2\)](#)

Неуказание судом в мотивировочной части судебного акта на залоговый характер требований кредитора при оценке в мотивировочной части указанных требований как обеспеченных залогом, является судебной ошибкой. При последующем обращении кредитора с заявлением о признании за ним статуса залогового кредитора моментом заявления требования надлежит полагать момент заявления первоначального требования, при оценке которого суд ошибочно не указал в резолютивной части на залоговый размер требований.

Такое требование кредитора подлежит удовлетворению, даже будучи заявленным после закрытия реестра требований кредиторов должника, потому как кредитор добросовестно и своевременно воспользовался своими правами, однако не получил надлежащую судебную защиту и исчерпал все процессуальные возможности для восстановления нарушенного права.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании акционерного общества банкротом, просило включить в третью очередь реестра требований кредиторов должника задолженность как обеспеченную залогом имущества должника по договорам ипотеки. Судом удовлетворено заявление банка, в

мотивировочной части определения указано на залоговый характер требования, однако в резолютивной части таких указаний не содержится.

Общество, будучи добросовестным кредитором, обратилось в суд с заявлением о вынесении дополнительного определения с указанием на залоговый характер его требований, уже включенного в реестр (отказано), а впоследствии – с заявлением об исправлении опечатки в определении о признании его требований обоснованными (отказано).

В связи с указанными обстоятельствами уже после закрытия реестра правопреемник общества – банк – обратился с заявлением об установлении залогового статуса его требований, включенных в реестр требований кредиторов должника. Судами апелляционной, кассационной инстанций отказано банку со ссылкой на несоблюдение банком двухмесячного срока, предусмотренного ст. 142 Закона о банкротстве.

В нарушение указанных правовых норм апелляционный и окружной суды не приняли во внимание тот факт, что общество (правопредшественник банка) обратилось с заявлением о признании его требований как обеспеченных залогом задолго до закрытия реестра требований кредиторов.

При этом его требование оценивалось судом, и наличие залогового статуса не опровергнуто. Последующие обращения общества в тот же суд направлено на устранение неопределенности в статусе кредитора.

Судебная ошибка не должна поражать добросовестного кредитора в правах, а у апелляционного и окружного судов не было оснований для отказа банку в удовлетворении его требования. Напротив, судом первой инстанции исследованы обстоятельства, подтверждающие наличие у банка требований, обеспеченных залогом, и принято законное и обоснованное решение.

Оспаривание сделок должника.

[Определение ВС РФ от 22.01.18 № 308-ЭС17-12218](#)

Договор ипотеки здания (заключенный до реформы залогового законодательства 2014 года), если по нему не был передан в залог соответствующий земельный участок (право аренды такого участка) не может быть признан ничтожным, с учетом того, что залогодатель на момент заключения договора не был ни собственником, ни арендатором соответствующего земельного участка. Принимая во внимание действовавшее в спорный период законодательство с учетом разъяснений правоприменительной практики, оснований для вывода о том, что подобные договоры ипотеки являются ничтожными в связи с нарушением положений п. 3 ст. 340 ГК РФ, не имеется.

Конкурсный управляющий должника обратился в суд с заявлением о признании недействительными договоров ипотеки, заключенных между должником и комплексом. Судами нижестоящих инстанций договоры ипотеки признаны недействительными, в применении последствий недействительности сделки отказано.

По условиям договоров ипотеки в залог комплексу переданы принадлежащие должнику объекты недвижимости (здания автомобильных салонов и сопутствующие им постройки, расположенные на земельных участках, имеющих вид разрешенного использования – под салоны по продаже автомобилей в комплексе со станциями технического обслуживания).

Земельные участки, на которых расположены объекты недвижимости, либо права аренды на них в залог не передавались.

Удовлетворяя заявление о признании сделок недействительными и соглашаясь с данным выводом, суды руководствовались ст.ст. 168, 340 ГК РФ и исходили из того, что в нарушение действовавшего на момент заключения сделок законодательства заложены только здания и строения, в то время как земельный участок, на котором они расположены, либо право аренды на него, комплексу в залог не переданы, действий по оформлению соответствующих документов не предпринято.

Между тем судами не учтено следующее.

П. 3 ст. 340 ГК РФ (в редакции, действовавшей в период заключения оспариваемых сделок), установлено, что ипотека здания или сооружения допускается только с одновременной ипотекой по тому же договору земельного участка, на котором находится это здание или сооружение, либо принадлежащего залогодателю права аренды этого участка.

На момент заключения договоров ипотеки (01.09.2011) также действовали разъяснения данной нормы, изложенные в п. 45 постановления Пленумов Верховного Суда Российской Федерации и Высшего

Арбитражного Суда Российской Федерации № 6/8 от 01.07.1996 "О некоторых вопросах, связанных с применением части первой ГК РФ", согласно которым правило п. 3 ст. 340 ГК РФ подлежит применению в случаях, когда лицо, выступающее в роли залогодателя здания или сооружения, является собственником или арендатором соответствующего земельного участка. В противном случае договор ипотеки здания (сооружения) не может считаться противоречащим законодательству на основании названной нормы права.

Из материалов дела следует, что за должником на момент заключения договоров ипотеки право собственности или аренды на земельный участок, на котором находились спорные объекты недвижимости, зарегистрированы не были. Доказательства об обратном не представлены.

При этом вопреки выводу судов наличие у залогодателя (должника) реальной возможности на момент заключения договоров ипотеки оформить право аренды на участки под зданиями не должно умалять или иным негативным образом отражаться на правах залогодержателя, так как соответствующие арендные отношения находились в сфере компетенции должника и муниципалитета как собственника участков и напрямую не зависели от волеизъявления комплекса.

Таким образом, принимая во внимание действовавшее в спорный период законодательство с учетом разъяснений правоприменительной практики, оснований для вывода о том, что договоры ипотеки ничтожны в связи с нарушением положений п. 3 ст. 340 ГК РФ, не имелось.

[Определение ВС РФ от 25.01.2018 № 301-ЭС17-13352](#)

В ситуации принятия должником, являющимся единственным участником хозяйственного общества, формального решения об увеличении уставного капитала за счет дополнительного вклада третьего лица, невнесения этим третьим лицом реального дополнительного вклада (либо внесения им символического дополнительного вклада) и при установлении обстоятельств, указывающих на взаимосвязанность упомянутых действий (бездействия) и последующих действий по выходу из общества должника, перераспределению его доли в пользу нового участника, соответствующие сделки подлежат признанию притворными (п. 2 ст. 170 ГК РФ), прикрывающими прямое безвозмездное отчуждение доли. В свою очередь, прикрываемая сделка, совершенная в нарушение положений п. 1 ст. 174.1 ГК РФ, является недействительной (ничтожной). Если же во исполнение решения об увеличении уставного капитала за счет дополнительного вклада третьего лица последнее внесло вклад, равный номинальной стоимости полученной им доли, сделка по увеличению уставного капитала подлежит проверке на соответствие требованиям п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве.

Отказывая в удовлетворении требований о признании недействительными сделок, связанных с увеличением уставного капитала общества "Аватар" за счет внесения дополнительного вклада Васильевой М.П. и введением ее в состав участников, суды сочли, что снижение номинальной стоимости изначально принадлежащей Васильеву А.Ю. доли не произошло, и, как следствие, не возникли вредоносные последствия для кредиторов должника. Между тем судами не учтено следующее.

Сам по себе тот факт, что после принятия решения об увеличении уставного капитала и введении в состав участников Васильевой М.П. не изменилась номинальная стоимость доли участия Васильева А.Ю. в обществе "Аватар", не свидетельствует ни о действительности соответствующих сделок, ни об отсутствии нарушения прав кредиторов.

Размер причитающегося кредиторам удовлетворения определяется не номинальной, а рыночной стоимостью доли участия, принадлежащей Васильеву А.Ю. При этом рыночная стоимость доли зависит, в частности, от величины чистых активов хозяйственного общества, размера данной доли в процентах (является она контрольной (мажоритарной) или неконтрольной (миноритарной)). Поэтому для разрешения вопроса о причинении сделками вреда кредиторам судам следовало проанализировать изменение рыночной стоимости доли Васильева А.Ю. в результате совершения спорных операций по увеличению уставного капитала. Более того, в обоснование заявленных требований конкурсный управляющий имуществом должника и уполномоченный орган ссылались, в том числе на то, что последовательно совершенные в короткий промежуток времени сделки по увеличению уставного капитала общества "Аватар", приему в это общество Васильевой М.П., выходу Васильева А.Ю. из упомянутого общества и передаче его уменьшенной доли Васильевой М.П. являлись взаимосвязанными, притворными, прикрывающими сделку по прямому отчуждению Васильевым А.Ю. 100-процентной доли участия в обществе "Аватар" Васильевой М.П. в целях избежания обращения взыскания на данную долю в конкурсном производстве. При этом Васильева М.П. являлась близкой родственницей Васильева А.Ю., проживала с ним в одной квартире и не могла не знать о финансовом состоянии должника.

Как указывали заявители, 100-процентная доля участия в обществе "Аватар" имела высокую рыночную стоимость. Названному обществу принадлежали значительные ликвидные активы (доли в праве собственности на земельные участки, нежилые помещения, транспортные средства). По мнению заявителей, прикрываемая сделка также являлась недействительной как на основании п. 1 ст. 174.1 ГК РФ (как сделка, совершенная в нарушение запрета, ограничения на распоряжение имуществом, вытекающих из законодательства о несостоятельности (банкротстве)), так и на основании п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве (как подозрительная сделка, совершенная в целях причинения вреда имущественным правам кредиторов).

Обстоятельства, на которые обращали внимание конкурсный управляющий и уполномоченный орган, имели существенное значение для правильного рассмотрения спора. Суды так же не проверили, внесен ли Васильевой М.П. дополнительный вклад. В ситуации принятия единственным участником хозяйственного общества формального решения об увеличении уставного капитала за счет дополнительного вклада третьего лица, невнесения этим третьим лицом реального дополнительного вклада (либо внесения им символического дополнительного вклада) и при установлении обстоятельств, указывающих на взаимосвязанность упомянутых действий (бездействия) и последующих действий по выходу из общества бывшего единственного участника, перераспределению его доли в пользу нового участника, соответствующие сделки подлежат признанию притворными (п. 2 ст. 170 ГК РФ), прикрывающими прямое безвозмездное отчуждение доли. В свою очередь, прикрываемая сделка, совершенная в нарушение положений п. 1 ст. 174.1 ГК РФ, является недействительной (ничтожной).

Если же во исполнение решения об увеличении уставного капитала за счет дополнительного вклада третьего лица последнее внесло вклад, равный номинальной стоимости полученной им доли, сделка по увеличению уставного капитала подлежит проверке на соответствие требованиям п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве с учетом следующего.

По смыслу ст. 19 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ "Об обществах с ограниченной ответственностью" увеличение уставного капитала общества за счет дополнительного вклада третьего лица, принимаемого в общество, направлено на привлечение хозяйственным обществом инвестиций в обмен на передачу инвестору другого актива – доли участия в хозяйственном обществе с увеличенным уставным капиталом. При получении инвестором доли, наделяющей его имущественными и корпоративными правами, явно не соответствующими объему внесенного им дополнительного вклада, обмен ценностями не является эквивалентным. В этом случае, по сути, приобретение доли осуществляется инвестором как за счет его дополнительного вклада, так и за счет вложений в общество, сделанных ранее бывшим единственным участником, то есть происходит прирост активов инвестора за счет снижения актива бывшего единственного участника (уменьшения размера его доли в стоимостном выражении), причиняя тем самым вред кредиторам последнего.

[Определение ВС РФ от 29.01.2018 № 304-ЭС17-14946](#)

Действия, направленные на установление сложившегося в пользу заказчика сальдо взаимных предоставлений по каждому из прекращенных договоров подряда в отдельности, не являются зачетом (так как по всем расторгаемым договорам сальдо сложилось в пользу заказчика) и не является сделкой, которая могла быть оспорена по правилам ст. 61.3 Закона о банкротстве в рамках дела о банкротстве подрядчика, поскольку в этом случае отсутствует такой квалифицирующий признак как получение заказчиком предпочтения.

Прекращение договора подряда порождает необходимость соотнесения взаимных предоставлений сторон по этому договору и определения завершающей обязанности одной стороны в отношении другой. В письме, поименованном заявлением о зачете, заказчик, по сути, определил завершающее сальдо по подрядным сделкам с учетом частичного выполнения работ, выявленных недостатков этих работ, произведенного заказчиком авансирования и передачи им материалов подрядчику, неиспользованных последним и невозвращенных заказчику после прекращения договоров, убытков, возникших на стороне заказчика в связи с неисправностью подрядчика.

Как указывало общество, по каждому из договоров подряда образовалось сальдо в пользу заказчика. Договоров, по которым заказчик оставался бы обязанным лицом не имелось. Зачет сальдо встречных завершающих обязательств по разным подрядным сделкам сторонами не производился. Эти доводы заказчика не были опровергнуты судами апелляционной инстанции и округа.

В рамках настоящего дела о банкротстве подрядчика в реестр требований его кредиторов включена задолженность перед обществом по рассматриваемым договорам подряда. Данная сумма, по мнению

общества, является разницей между полученным им результатом работ в стоимостном выражении и размером аванса, платы за неиспользованные материалы, убытками, причинными подрядчиком. Данное обстоятельство также не было опровергнуто судами апелляционной инстанции и округа.

Действия, направленные на установление сложившегося в пользу заказчика сальдо взаимных предоставлений по каждому из прекращенных договоров подряда в отдельности, не являются сделкой, которая могла быть оспорена по правилам ст. 61.3 Закона о банкротстве в рамках дела о банкротстве подрядчика, поскольку в этом случае отсутствует такой квалифицирующий признак как получение заказчиком предпочтения.

Аналогичный вывод вытекает из смысла разъяснений, данных в абз. 4 п. 13 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23.07.2009 № 63 "О текущих платежах по денежным обязательствам в деле о банкротстве". Коль скоро заинтересованные лица в нарушение положений ст. 65 АПК РФ не доказали, что заказчик помимо определения завершающего сальдо произвел зачет каких-либо требований подрядчика против своих требований, заявление конкурсного управляющего должником не подлежало удовлетворению.

[Определение ВС РФ от 08.02.2018 № 305-ЭС17-15339](#)

Вопреки выводам судов положения п. 5 ст. 166 ГК РФ, не позволяющие оспаривать сделку ее стороне, которая давала другим лицам основание полагаться на действительность сделки, не применяются к требованиям о признании недействительными сделок по специальным основаниям, предусмотренным законодательством о несостоятельности. Данные специальные основания недействительности сделок направлены на защиту не столько интересов частноправового субъекта, являющегося стороной сделки, сколько на защиту его кредиторов (третьих лиц, не являющихся сторонами спорных правоотношений и не делавших каких-либо заявлений о действительности сделки).

АО "Фондсервисбанк" обратилось в арбитражный суд с иском к ООО "Мортон-PCO" и ООО "Сезон" о признании недействительным договора о переводе прав и обязанностей по кредитному договору. ООО "Мортон-PCO" в качестве заемщика и АО "Фондсервисбанк" в качестве займодавца заключили кредитный договор (обеспеченный поручительством и залогом требования), права и обязанности по которому заемщик передал ООО "Сезон".

Приказом Банка России на государственную корпорацию с 25.02.2015 возложены функции временной администрации банка, с 26.08.2015 прекращено исполнение функций временной администрации Фондсервисбанка.

Иск мотивирован тем, что перевод долга повлек замену надежного заемщика, ведущего реальную хозяйственную деятельность и характеризующегося положительной величиной чистых активов, имеющей тенденцию к росту, – на ненадежного – общество "Сезон", которое фактически хозяйственную деятельность не вело, его чистые активы имели отрицательное значение. Как указал Фондсервисбанк, обществом "Сезон" обязательство по погашению суммы кредита не выполняется; спорная сделка совершена в период, когда Фондсервисбанк фактически отвечал признаку недостаточности имущества, она направлена на нарушение прав и законных интересов кредиторов данной кредитной организации.

Отказывая в удовлетворении иска, суд первой инстанции счел, что совершение спорной сделки обусловлено заключением соглашения о залоге требования, по которому Фондсервисбанк получил дополнительное обеспечение. Кроме того, суд первой инстанции применил к спорным отношениям п. 5 ст. 166 ГК РФ, налагающий запрет на оспаривание сделки ее стороной, которая после заключения сделки давала основание другим лицам полагаться на действительность данной сделки. Судами апелляционной и кассационной инстанций решение суда первой инстанции оставлено без изменения.

Между тем судами первой, апелляционной инстанций и округа не учтено следующее.

Компанией "Евразия" и Фондсервисбанком был заключен договор субординированного депозита, на основании которого компания "Евразия" разместила в названом банке 90 500 000 рублей сроком на 5 лет и 1 месяц.

П. 1 ст. 50.39 Закона о банкротстве кредитных организаций (действовавшего на момент совершения сделки) предусматривалось, что требования кредиторов по субординированным депозитам, а также по финансовым санкциям за неисполнение обязательств по субординированным депозитам удовлетворяются после удовлетворения требований всех иных кредиторов.

Согласно пункту 3.5.3.2 Положения о методике определения собственных средств (капитала) кредитных организаций от 10.02.2003 № 215-П, действовавшего в спорный период, субординированный депозит включался в состав источников дополнительного капитала кредитной организации.

Таким образом, денежные средства, предоставляемые по договору субординированного депозита, пополняющие капитал кредитной организации, являются инвестициями вкладчика в банковский сектор в расчете на прибыль в виде процентов. При этом, заключая такого рода договор, инвестор принимает на себя повышенные риски, которые заключаются помимо прочего в понижении очередности удовлетворения его требования на случай несостоятельности (соответствующие обязательства исполняются в последнюю очередь), то есть правовое положение инвестора - вкладчика при банкротстве приравнивается к правому положению участников (акционеров) банка.

Прежнее правовое регулирование в ситуации объективного банкротства кредитной организации (ее неспособности в полном объеме удовлетворить требования кредиторов из-за превышения совокупного размера обязательств над реальной стоимостью активов, то есть при недостаточности конкурсной массы для расчетов с кредиторами приоритетной по отношению к инвестору - вкладчику очередности удовлетворения), по сути, означало утрату им какой-либо возможности вернуть вложенное. Инвесторы - вкладчики не имели правомерных ожиданий возврата капиталозамещающих депозитов и процентов по ним за счет средств, привлеченных для санации кредитной организации.

Делая вывод о получении Фондсервисбанком дополнительного обеспечения при переводе долга, суды ошибочно не приняли во внимание особый правовой режим субординированного кредита (депозита, займа, облигационного займа), отличающий его, в частности, от договоров, заключаемых в соответствии с главами 42 и 44 ГК РФ.

Прекращение исполнения государственной корпорацией функций временной администрации Фондсервисбанка с 26.08.2015 не свидетельствует о том, что кредитная организация окончательно санирована. Таким образом, применительно к Фондсервисбанку в настоящее время не восстановлен баланс интересов всех участников отношений в банковской сфере.

Поэтому в ситуации полной неликвидности дополнительного залогового обеспечения соглашение о замене надежного заемщика - должника на ненадежного в обязательстве по возврату кредита и уплате процентов нарушает права ординарных кредиторов Фондсервисбанка и может быть признано недействительным на основании п. 11 ст. 189.40 и ст. 61.2 Закона о банкротстве, в том числе и после прекращения исполнения государственной корпорацией функций временной администрации банка.

Суды, отказав в удовлетворении иска по ненадлежащим основаниям (предоставление дополнительного обеспечения), уклонились от проверки того, имелась ли в данном случае необходимая совокупность условий недействительности соглашения о переводе долга как подозрительной сделки.

Вопреки выводам судов положения п. 5 ст. 166 ГК РФ, не позволяющие оспаривать сделку ее стороне, которая давала другим лицам основание полагаться на действительность сделки, не применяются к требованиям о признании недействительными сделок по специальным основаниям, предусмотренным законодательством о несостоятельности. Данные специальные основания недействительности сделок направлены на защиту не столько интересов частноправового субъекта, являющегося стороной сделки, сколько на защиту его кредиторов (третьих лиц, не являющихся сторонами спорных правоотношений и не делавших каких-либо заявлений о действительности сделки).

[Определение ВС РФ от 12.02.2018 № 305-ЭС17-11710 \(3\)](#)

К соглашению о погашении обязательств путем зачета встречных однородных требований не применимы положения п. 3 ст. 61.4 Закона о банкротстве, потому как такое соглашение не предполагает предоставления какого-либо встречного исполнения (ст. 328 ГК РФ).

К сделкам, предусмотренным п. 2 ст. 61.4 Закона о банкротстве, не могут быть отнесены сделки, совершенные при наличии обстоятельств, свидетельствующих о недобросовестности контрагента несостоятельного должника, то есть о его осведомленности о факте неплатежеспособности (недостаточности средств) должника (Определение ВС РФ от 25.01.2016 № 310-ЭС15-12396). В соответствии с данной позицией, соглашение о зачете не может быть оспорено на основании п. 2 ст. 61.4 Закона о банкротстве, в случае если спорная сделка совершена в условиях неплатежеспособности должника в отношении аффилированного лица, в связи с чем данное лицо презюмируется осведомленным о соответствующем финансовом состоянии должника.

Судами первой и апелляционной инстанций признан недействительным договор о прекращении обязательств путем зачета встречных однородных требований, применена реституция в виде восстановления обязательств сторон, существовавших до осуществления зачета. Суд округа без достаточных к тому оснований вернул дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Суд округа, направляя спор на новое рассмотрение, указал, что суды не проверили доводы общества о возможности оспаривания договора о зачете только по основаниям, установленным п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве, а также о совершении зачета в процессе обычной хозяйственной деятельности (пп. 2 и 3 ст. 61.4 Закона о банкротстве). Кроме того, суд округа счел, что нижестоящие инстанции, устанавливая признак неплатежеспособности должника на момент совершения сделки, исходили только из аффилированности ее сторон, не проанализировав финансовые показатели хозяйственной деятельности.

Между тем судом округа не учтено следующее.

Указания суда округа относительно выводов нижестоящих инстанций в части установления неплатежеспособности должника противоречат содержанию судебных актов, в которых суды на основе оценки и анализа представленных в дело доказательств отметили, что в спорный период у должника имелись обязательства перед иными кредиторами с более ранним сроком исполнения, в том числе наступившим к моменту заключения соглашения о зачете с обществом. Данные обязательства впоследствии исполнены не были, в связи с чем вытекающие из них требования в настоящее время включены в реестр требований кредиторов.

Впреки выводу суда округа не имеют решающего значения показатели бухгалтерской, налоговой или иной финансовой отчетности для определения соответствующего признака неплатежеспособности, так как данный признак носит объективный характер и не должен зависеть от усмотрения хозяйствующего субъекта, самостоятельно составляющего отчетность (должника) и представляющего ее в компетентные органы. В противном случае, помимо прочего, для должника создавалась бы возможность манипулирования содержащимися в отчетах сведениями для влияния на действительность конкретных сделок или хозяйственных операций с определенными контрагентами, что очевидно противоречит требованиям справедливости и целям законодательного регулирования института несостоятельности.

Таким образом, неправильно изложив выводы нижестоящих инстанций по вопросу определения признака неплатежеспособности, суд округа неверно указал на недоказанность (связанную с неисследованием) соответствующего признака, чем фактически вышел за пределы своих полномочий по смыслу части 2 ст. 287 АПК РФ.

Ошибочным явилось толкование судом округа положений п. 3 ст. 61.4 Закона о банкротстве. Согласно правовой позиции, изложенной в определении Верховного Суда Российской Федерации от 17.05.2016 № 302-ЭС15-18996 (1, 2), погашение обязательств путем зачета не предполагает предоставления какого-либо встречного исполнения (ст. 328 ГК РФ), поэтому к такому соглашению не подлежат применению положения п. 3 ст. 61.4 Закона о банкротстве. Однако суд округа не учел данную правовую позицию.

Аналогичным образом суд округа ошибочно счел, что в рассматриваемом случае может быть применен п. 2 ст. 61.4 данного Закона, по смыслу которого признаются действительными сделки, совершенные в процессе обычной хозяйственной деятельности. Как указано в определении Верховного Суда Российской Федерации от 25.01.2016 № 310-ЭС15-12396, к сделкам, предусмотренным п. 2 ст. 61.4 Закона о банкротстве, не могут быть отнесены сделки, совершенные при наличии обстоятельств, свидетельствующих о недобросовестности контрагента несостоятельного должника, то есть о его осведомленности о факте неплатежеспособности (недостаточности средств) должника.

При этом спорная сделка совершена в условиях неплатежеспособности должника в отношении аффилированного лица, в связи с чем данное лицо презюмируется осведомленным о соответствующем финансовом состоянии должника (абз. 2 п. 3 ст. 61.3 Закона). Данная презумпция ответчиком опровергнута не была.

[Определение ВС РФ от 12.02.2018 № 305-ЭС15-5734 \(4, 5\)](#)

При оспаривании сделки, совершенной между должником и участником должника следует детально исследовать природу соответствующих отношений, сложившихся между должником и займодавцем, а также поведение потенциального кредитора в период, предшествующий банкротству. Предоставление должнику займа (в том числе на льготных условиях) может при определенных обстоятельствах свидетельствовать о намерении займодавца временно компенсировать негативные результаты своего воздействия на хозяйственную деятельность должника. В такой ситуации заем может использоваться вместо механизма увеличения уставного капитала, позволяя на случай

банкротства формально нарастить подконтрольную кредиторскую задолженность с противоправной целью последующего уменьшения в интересах должника и его аффилированных лиц количества голосов, приходящихся на долю независимых кредиторов, чем нарушается обязанность действовать в интересах кредиторов и должника. При таких условиях с учетом конкретных обстоятельств дела суд вправе переqualифицировать заемные отношения в отношении по поводу увеличения уставного капитала и, установив, имелось ли в действиях участника должника злоупотребление правом, признать такую сделку недействительной на основании ст. 61.2 Закона о банкротстве.

Конкурсный управляющий транспортной компании обратился в суд с заявлениями, объединенными впоследствии для совместного рассмотрения, о признании недействительными операций по перечислению должником 78 800 000 рублей в пользу акционерного общества четырьмя платежными поручениями с указанием в качестве назначений платежа – по договорам займа. Судами апелляционной, кассационной инстанций в удовлетворении требований отказано.

Общество, являясь единственным участником компании, полагало, что обязанность компании перед ним вытекает из ординарных гражданско-правовых заемных обязательств, а потому возврат долга сам по себе не мог причинить вреда ни конкурсной массе, ни иным кредиторам. Кроме того, должник по состоянию на момент совершения операций (16.09.2013) не отвечал признакам неплатежеспособности.

Конкурсный управляющий, напротив, обращал внимание судов на то, что платежи совершены в условиях неплатежеспособности компании: уже имелись обязательства перед иными кредиторами, в том числе с наступившим сроком исполнения (в частности, перед уполномоченным органом по налогу на доходы физических лиц, который должник удержал, но не перечислил в бюджет), в настоящее время требования данных кредиторов включены в реестр. Общество, формально выступившее займодавцем, являлось единственным участником должника (ему принадлежала 100-процентная доля), предоставленные им денежные средства фактически не являлись займом, отношения носили корпоративный характер, были направлены на докапитализацию бизнеса. Единственный участник не мог не располагать информацией о неудовлетворительном финансовом состоянии компании на момент выдачи займов. Последующее изъятие ранее предоставленных средств причинило вред кредиторам должника.

Действующее законодательство о банкротстве не содержит положений, согласно которым очередность удовлетворения требований аффилированных (связанных) с должником кредиторов по гражданским обязательствам, не являющимся корпоративными, понижается. При этом сама по себе выдача займа участником должника не свидетельствует о корпоративном характере требования по возврату полученной суммы для целей банкротства. Вместе с тем, исходя из конкретных обстоятельств дела суд вправе переqualифицировать заемные отношения в отношении по поводу увеличения уставного капитала по правилам п. 2 ст. 170 ГК РФ либо по правилам об обходе закона (п. 1 ст. 10 ГК РФ, абз. 8 ст. 2 Закона о банкротстве), признав за спорным требованием статус корпоративного.

Пока не доказано иное, предполагается, что мажоритарные участники (акционеры), голоса которых имели решающее значение при назначении руководителя, своевременно получают информацию о действительном положении дел в хозяйственном обществе. При наличии такой информации контролирующие участники (акционеры) де-факто принимают управленческое решение о судьбе должника – о даче согласия на реализацию выработанной руководителем стратегии выхода из кризиса и об оказании содействия в ее реализации либо об обращении в суд с заявлением о банкротстве должника.

Поскольку невозможность продолжения хозяйственной деятельности в обычном режиме, как правило, связана с недостаточностью денежных средств, экономически обоснованный план преодоления тяжелого финансового положения предусматривает привлечение инвестиций в бизнес, осуществляемый должником, в целях пополнения оборотных средств, увеличения объемов производства (продаж), а также докапитализации на иные нужды. Соответствующие вложения могут оформляться как увеличение уставного капитала, предоставление должнику займов и иным образом.

При этом, если мажоритарный участник (акционер) вкладывает свои средства через корпоративные процедуры, соответствующая информация раскрывается публично и становится доступной кредиторам и иным участникам гражданского оборота. В этом случае последующее изъятие вложенных средств также происходит в рамках названных процедур (распределение прибыли, выплата дивидендов и т.д.).

Когда же мажоритарный участник (акционер) осуществляет вложение средств с использованием заемного механизма, финансирование публично не раскрывается. При этом оно позволяет завуалировать кризисную ситуацию, создать перед кредиторами и иными третьими лицами иллюзию благополучного положения дел в хозяйственном обществе.

Однако обязанность контролирующего должника лица действовать разумно и добросовестно в отношении как самого должника, так и гражданско-правового сообщества, объединяющего кредиторов должника, подразумевает содействие кредиторам в получении необходимой информации, влияющей на принятие ими решений относительно порядка взаимодействия с должником (абз. 3 п. 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 "О применении судами некоторых положений раздела I части первой ГК РФ").

Поэтому в ситуации, когда одобренный мажоритарным участником (акционером) план выхода из кризиса, не раскрытый публично, не удалось реализовать, на таких участников (акционеров) относятся убытки, связанные с санационной деятельностью в отношении контролируемого хозяйственного общества, в пределах капиталозамещающего финансирования, внесенного ими при исполнении упомянутого плана. Именно эти участники (акционеры), чьи голоса формировали решения высшего органа управления хозяйственным обществом (общего собрания участников (акционеров)), под контролем которых находился и единоличный исполнительный орган, ответственны за деятельность самого общества в кризисной ситуации и, соответственно, несут риск неэффективности избранного плана непубличного дофинансирования.

Изъятие вложенного названным мажоритарным участником (акционером) не может быть приравнено к исполнению обязательств перед независимыми кредиторами (п. 4 ст. 1 ГК РФ). Возврат приобретенного корпоративную природу капиталозамещающего финансирования не за счет чистой прибыли, а за счет текущей выручки должника необходимо рассматривать как злоупотребление правом со стороны мажоритарного участника (акционера). Соответствующие действия, оформленные в качестве возврата займов, подлежат признанию недействительными по правилам ст.ст. 10, 168 ГК РФ как совершенные со злоупотреблением правом.

В рассматриваемом обособленном споре суды апелляционной инстанции и округа, ограничившись констатацией оформления отношений должника с обществом в качестве заемных, не проанализировали обстоятельства, касающиеся их действительной правовой природы.

[Определение ВС РФ от 12.02.2018 № 305-ЭС17-13572](#)

Организациям, в отношении которых осуществляются меры по предупреждению банкротства, законодательно предоставлена возможность оспорить причинившие ее кредиторам вред сделки, совершенные до начала санации, по правилам главы III.1 Закона о банкротстве, потому как санация представляет собой одну из предбанкротных процедур, являющихся неотъемлемой частью отношений, связанных с несостоятельностью кредитных организаций (определение Верховного Суда Российской Федерации от 27.10.2017 № 305-КГ17-9802).

При оспаривании в рамках предбанкротных процедур банковской гарантии судам надлежало проверить, насколько такая гарантия соответствовала признакам обычной хозяйственной деятельности и стандартной банковской практике (отвечал ли принципал признакам неплатежеспособности, было ли обеспечено регрессное требование к принципалу, насколько разумной была выдача гарантии неплатежеспособному лицу при получении в качестве вознаграждения стандартной премии). При этом, учитывая специфику оспариваемой обеспечительной сделки, заключающейся в независимости гарантии, доказывание недобросовестности бенефициара (не через законодательно установленные презумпции, а на общих основаниях) должно осуществляться исходя из повышенного (более строгого) стандарта.

Общество (бенефициар) обратилось в арбитражный суд с иском к банку (гаранту) о взыскании задолженности по банковским гарантиям. Банк обратился с встречным иском о признании сделок по выдаче спорных банковских гарантий недействительными, применении последствий недействительности данных сделок. Судами трех инстанций иск удовлетворен, в удовлетворении встречного иска отказано.

Между бенефициаром (покупателем) и принципалом (поставщиком) был заключен договор поставки оборудования. В обеспечение возврата аванса по указанному договору банком были выданы гарантии, которые неоднократно заменялись ввиду пролонгации сроков поставки оборудования.

В связи с невыполнением поставщиком обязательств по договору поставки покупатель направил в банк требование о выплате в пользу бенефициара общей суммы по гарантиям в связи со срывом срока поставки более чем на 25 дней и отказом принципала вернуть авансовый платеж. Поскольку гарант отказался осуществить выплату в добровольном порядке, бенефициар обратился с иском о взыскании денежных средств по гарантии в арбитражный суд.

Как установлено судом первой инстанции, Банком России был утвержден План участия Государственной корпорации "Агентство по страхованию вкладов" по предупреждению банкротства Банка.

По смыслу абз. 12 ст. 2, ст. 31 и 189.9 Закона о банкротстве санация (меры по предупреждению банкротства) представляет собой одну из предбанкротных процедур, являющихся неотъемлемой частью отношений, связанных с несостоятельностью кредитных организаций (определение Верховного Суда Российской Федерации от 27.10.2017 № 305-КГ17-9802). В связи с этим таким организациям, в отношении которых осуществляются подобные меры по предупреждению банкротства, законодательно предоставлена возможность оспорить причинившие ее кредиторам вред сделки, совершенные до начала санации, по правилам главы III.1 Закона о банкротстве (п. 11 ст. 189.40 Закона).

Наличие подобной возможности обусловлено следующим. Перед санацией кредитная организация, как правило, объективно испытывает финансовые сложности (которые с экономической точки зрения и являются поводом к иницированию соответствующей процедуры). Осведомленность о таких сложностях и разумное прогнозирование очевидных экономико-юридических последствий (предупреждение несостоятельности или банкротства) может способствовать принятию менеджментом (иными органами управления) банка недобросовестных решений о выводе оставшихся активов либо об оказании предпочтения в удовлетворении требований некоторым из клиентов, в том числе так или иначе аффилированным с банком.

В связи с этим механизм оспаривания подозрительных и преференциальных сделок направлен на компенсацию негативных последствий влияния поведения предыдущего руководства банка на его хозяйственную деятельность. Предъявление соответствующих требований фактически является составной частью реализации новым руководством (назначенным после введения санации) Плана по предупреждению банкротства, направленного на восстановление платежеспособности кредитной организации в интересах, в первую очередь, его клиентов, а также и всего банковского сектора экономики.

При разрешении подобного рода дел об оспаривании в общеисковом порядке сделок санлируемой кредитной организации арбитражным судам, с одной стороны, необходимо учитывать, что кредитные организации являются профессиональными участниками рынка, совершающими в рамках своей деятельности ежедневно множество юридически значимых операций (сделок), и потому те операции, которые по своим условиям или характеристикам являются обычными, должны оставаться действительными. С другой стороны, не может быть сохранена юридическая сила за операциями, которые совершены явно во вред банку и его клиентам, в том числе при наличии недобросовестности выгодоприобретателя по сделке. Таким образом, необходимо соблюдать баланс между принципом правовой определенности, стабильностью гражданского оборота и обеспечением разумных имущественных интересов участников данного оборота, с одной стороны, и недопустимостью злоупотребления правом, незаконного вывода активов из кредитной организации, с другой.

Оценивая обоснованность предъявления встречного иска, суд первой инстанции указал, что выдача банковских гарантий носила характер стандартной банковской операции, при этом недобросовестность бенефициара каким-либо образом подтверждена не была (в частности, не доказана аффилированность).

Действительно, выдача банковской (независимой) гарантии является для кредитной организации типичной банковской операцией (п. 8 ч. 1 ст. 5 Закона о банках и банковской деятельности). Вместе с тем деятельность кредитной организации исходя из ее уставных задач имеет своей основной целью извлечение прибыли, равно как и деятельность любого коммерческого юридического лица (ч. 1 ст. 1 Закона о банках и банковской деятельности, ст. 50 ГК РФ).

Применительно к выдаче банковских гарантий это подразумевает следующее. Как правило, такая гарантия выдается на основании и во исполнение соглашения, заключаемого между гарантом и принципалом. По аналогии с тем, как исчисляется размер страховой премии, банк также исчисляет экономически обоснованный тариф (комиссию, премию) за выдачу гарантии, принимая во внимание сопутствующие подобной сделке риски: независимость гарантии от обеспечиваемого обязательства (в том числе от его действительности – п. 1 ст. 368, ст. 370 ГК РФ), наличие регрессного требования к принципалу по осуществлению выплаты (ст. 379 данного Кодекса), платежеспособность принципала, наличие обеспечения по регрессному требованию и т.д.

В силу принципа независимости гарантии неправильное исчисление премии не должно влиять на действительность сделки по ее выдаче, а также на порядок осуществления выплаты, соответствующий риск (ошибки) лежит на гаранте и находится в сфере его отношений с принципалом, а потому не может затрагивать бенефициара или противопоставляться ему. Исключение при оспаривании сделки по банкротным основаниям могут составлять только случаи недобросовестности бенефициара, в частности,

когда он знал или должен был знать о вреде от соответствующей сделки, либо когда он находился в сговоре с гарантом (кем-либо из лиц, входящих в органы управления) с целью вывода активов из банка.

В данном случае оспариваемые сделки по выдаче гарантий (19.08.2015) совершены в пределах шести месяцев до даты утверждения Банком России Плана санации в отношении банка (03.11.2015), исходя из которой исчисляются периоды подозрительности и предпочтительности (п. 3 ст. 189.40 Закона о банкротстве).

Суд первой инстанции отметил, что выдача банковских гарантий в целом относится к стандартной банковской практике, более того, сумма гарантий не превышала пороговое значение в 1 % стоимости активов банка. Соответственно, суд первой инстанции фактически пришел к выводу, что презюмируемая абз. 2 п. 1 ст. 61.3 Закона о банкротстве недобросовестность выгодополучателя по сделке опровергается через возражение об обычной хозяйственной деятельности (п. 2 ст. 61.4 Закона). В этой части выводы суда первой инстанции являются правильными.

Вместе с тем суд не учел, что подобное возражение в силу процессуального принципа состязательности (ст. 9 АПК РФ) также может быть обратно опровергнуто доказыванием недобросовестности бенефициара, однако не через законодательно установленную презумпцию, а на общих основаниях. Как указано в определении Верховного Суда Российской Федерации от 25.01.2016 № 310-ЭС15-12396, к сделкам, предусмотренным п. 2 ст. 61.4 Закона о банкротстве, не могут быть отнесены сделки, совершенные при наличии обстоятельств, свидетельствующих о недобросовестности контрагента несостоятельного должника. При этом, учитывая специфику оспариваемой обеспечительной сделки, заключающейся в независимости гарантии, такое доказывание должно осуществляться исходя из повышенного (более строгого) стандарта. Кроме того, такое возражение может быть опровергнуто и путем приведения доводов, указывающих на существенное отклонение характеристик конкретной сделки от тех, которые совершаются в рамках обычной хозяйственной деятельности.

Ссылаясь на недобросовестность общества как бенефициара на общих основаниях и нетипичность выданной гарантии, банк указывал, что на момент выдачи гарантий было возбуждено дело о банкротстве принципала, который в то время уже отвечал признакам неплатежеспособности; регрессное требование к принципалу не было ничем обеспечено, однако премия по соглашению о выдаче гарантии составила всего лишь 2,5 %, то есть даже не была увеличена с учетом высокого риска невозвратности.

Если эти обстоятельства соответствуют действительности, выдача гарантии в обеспечение обязательств неплатежеспособного лица в условиях отсутствия обеспечения по регрессному требованию и при получении от принципала в качестве вознаграждения стандартной премии не может быть квалифицировано в качестве обычной хозяйственной деятельности кредитной организации. В подобной ситуации бенефициар, как правило, должен понимать, что получение гарантии в обеспечение исполнения обязательства своего неплатежеспособного контрагента не может не являться подозрительным, с точки зрения любого участника гражданского оборота, преследующего извлечение прибыли в качестве основной цели.

Субсидиарная ответственность лиц при банкротстве, взыскание убытков.

[Определение Верховного Суда РФ от 18.01.2018 № 305-ЭС15-17320\(15\)](#)

Приостановление производства по обособленному спору о привлечении контролирующего должника лица к субсидиарной ответственности осуществляется судом при невозможности определения размера ответственности, но при установлении всех иных обстоятельств, имеющих значение для привлечения к такой ответственности. Таким образом, при рассмотрении заявления о привлечении контролирующего лица к субсидиарной ответственности по основаниям п. 4 ст. 10 Закона о банкротстве судам необходимо проверить наличие условий для возложения ответственности на указанное лицо, а затем определить размер ответственности контролирующего лица. В случае если на момент рассмотрения заявления размер ответственности определить невозможно, производство по заявлению подлежит приостановлению.

Согласно абз. 6 п. 5 ст. 10 Закона о банкротстве, если на момент рассмотрения заявления о привлечении к субсидиарной ответственности по основанию, предусмотренному п. 4 данной статьи, невозможно определить размер ответственности, суд после установления всех иных имеющих значение фактов приостанавливает рассмотрение этого заявления до окончания расчетов с кредиторами либо до

окончания рассмотрения требований кредиторов, заявленных до окончания расчетов с кредиторами. По смыслу данной нормы приостановление производства по обособленному спору о привлечении контролирующего должника лица к субсидиарной ответственности осуществляется судом при невозможности определения размера ответственности, но при установлении всех иных обстоятельств, имеющих значение для привлечения к такой ответственности.

Таким образом, при рассмотрении заявления о привлечении контролирующего лица к субсидиарной ответственности по основаниям п. 4 ст. 10 Закона о банкротстве судам необходимо проверить наличие условий для возложения ответственности на указанное лицо, а затем определить размер ответственности контролирующего лица. В случае если на момент рассмотрения заявления размер ответственности определить невозможно, производство по заявлению подлежит приостановлению.

В связи с этим вывод суда апелляционной инстанции об отсутствии права устанавливать основания (за исключением размера) для привлечения контролирующего должника лица к субсидиарной ответственности в случае приостановления производства по заявлению является ошибочным. Напротив, соответствующие положения закона направлены на создание возможности разрешить вопрос об ответственности контролирующих лиц, не дожидаясь окончательного формирования конкурсной массы, что позволяет более эффективно, с одной стороны, конкурсному управляющему отстаивать права кредиторов, а с другой стороны, ответчикам формировать защитную правовую позицию по обособленному спору, принимая во внимание факты, имевшие место незадолго до рассмотрения дела, что упрощает также и сбор относимых и допустимых доказательств.

В нарушение указанной нормы основания для привлечения контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности судами не устанавливались.

[Определение ВС РФ от 15.02.2018 № 302-ЭС14-1472 \(4,5,7\)](#)

При разрешении вопроса о наличии оснований для привлечения к субсидиарной ответственности конечного бенефициара должника (руководителя общества-учредителя должника) надлежит проанализировать поведение привлекаемого к ответственности лица и должника на предмет наличия в отношениях указанных лиц признаков подконтрольности должника указанному бенефициару. О наличии подконтрольности, в частности, могут свидетельствовать следующие обстоятельства: действия названных субъектов синхронны в отсутствие к тому объективных экономических причин; они противоречат экономическим интересам должника и одновременно ведут к существенному приросту имущества лица, привлекаемого к ответственности; данные действия не могли иметь место ни при каких иных обстоятельствах, кроме как при наличии подчиненности одного другому.

В подобной ситуации надлежит руководствоваться не только прямыми доказательствами (т.е. исходящими от бенефициара документами, в которых содержатся явные указания, адресованные должнику, относительно его деятельности), потому как конечный бенефициар, не имеющий соответствующих формальных полномочий, не заинтересован в раскрытии своего статуса контролирующего лица, напротив, обычно скрывает наличие возможности оказания влияния на должника. Его отношения с подконтрольным обществом не регламентированы какими-либо нормативными или локальными актами, которые бы устанавливали соответствующие правила и стандарты поведения.

Конкурсный управляющий обратился в суд с заявлением о привлечении к субсидиарной ответственности конечного бенефициара должника Абазехова Х.Ч. (преобладающий участник в учредителе Должника). Судами трех инстанций в удовлетворении заявления отказано.

Судами установлено, что в период с 2007 по 2010 года прибыль общества "ИНКОМ" сократилась с 257 652 000 рублей в год до 3 000 рублей в год. При этом судами также установлено, что в 2007 – 2009 годах, а также за 9 месяцев 2010 года со счетов должника на счета концерна "РИАЛ" перечислены денежные средства в размере около 4,2 млрд. рублей с назначением платежа "за зерно", из них возвращено должнику около 0,5 млрд. рублей. Наряду с резким снижением прибыли около 60 производственных объектов должника отчуждено также Концерну.

В решении налогового органа о привлечении должника к ответственности за совершение налогового правонарушения отражено следующее: за период 2008 по 2010 с разных счетов Концерна перечислено 2,6 млрд. рублей на счета Абазехова Х.Ч. с указанием такого назначения платежей как "возврат денежных

средств по договору займа", "выплата доходов (дивидендов)", "пополнение счета", "пополнение пластиковой карты". Указанное решение налогового органа легло в основу признания должника банкротом.

Разрешая спор в этой части, суды, по сути, сочли, что вменяемый Абазехову Х.Ч. контроль над Должником должен быть подтвержден лишь прямыми доказательствами – исходящими от бенефициара документами, в которых содержатся явные указания, адресованные должнику, относительно его деятельности.

Однако конечный бенефициар, не имеющий соответствующих формальных полномочий, не заинтересован в раскрытии своего статуса контролирующего лица. Наоборот, он обычно скрывает наличие возможности оказания влияния на должника. Его отношения с подконтрольным обществом не регламентированы какими-либо нормативными или локальными актами, которые бы устанавливали соответствующие правила, стандарты поведения.

В такой ситуации судам следовало проанализировать поведение привлекаемого к ответственности лица и должника. О наличии подконтрольности, в частности, могли свидетельствовать следующие обстоятельства: действия названных субъектов синхронны в отсутствие к тому объективных экономических причин; они противоречат экономическим интересам должника и одновременно ведут к существенному приросту имущества лица, привлекаемого к ответственности; данные действия не могли иметь место ни при каких иных обстоятельствах, кроме как при наличии подчиненности одного другому и т.д.

Учитывая объективную сложность получения арбитражным управляющим, кредиторами отсутствующих у них прямых доказательств дачи указаний, судами должна приниматься во внимание совокупность согласующихся между собой косвенных доказательств, сформированная на основании анализа поведения упомянутых субъектов. Если заинтересованные лица привели достаточно серьезные доводы и представили существенные косвенные доказательства, которые во взаимосвязи позволяют признать убедительными их аргументы о возникновении отношений фактического контроля и подчиненности, в силу ст. 65 АПК РФ бремя доказывания обратного переходит на привлекаемое к ответственности лицо.

В нарушение положений ст. 71 АПК РФ суды не оценили ни одно из доказательств, представленных ФНС России и конкурсным управляющим, равно как и возражения Абазехова Х.Ч. относительно этих доказательств.

Требование о привлечении Абазехова Х.Ч. к субсидиарной ответственности фактически не было рассмотрено судами.

Банкротство граждан.

[Определение Верховного Суда РФ от 25.01.2018 № 310-ЭС17-14013](#)

П. 4 ст. 213.28 Закона о банкротстве установлен перечень признаков недобросовестного поведения гражданина, исключающих возможность использования особого порядка освобождения от погашения задолженности через процедуры банкротства. К числу таких признаков абз. 3 п. 4 ст. 213.28 Закона о банкротстве относит непредоставление гражданином необходимых сведений (предоставление заведомо недостоверных сведений) финансовому управляющему или арбитражному суду, рассматривающему дело о банкротстве. Суд вправе отказать в применении положений абз. 3 п. 4 ст. 213.28 Закона о банкротстве лишь в том случае, если будет установлено, что нарушение, заключающееся в нераскрытии необходимой информации, являлось малозначительным либо совершено вследствие добросовестного заблуждения гражданина - должника. Бремя доказывания указанных обстоятельств лежит на самом должнике. При этом если сокрытие информации является умышленным, само по себе то, что отраженная должником сумма дохода от исполнения полномочий единоличных исполнительных органов была существенно ниже совокупного размера требований кредиторов, не характеризует правонарушение как малозначительное.

По общему правилу обычным способом прекращения гражданско-правовых обязательств и публичных обязанностей является их надлежащее исполнение (п. 1 ст. 408 ГК РФ, ст. 45 НК РФ и т.д.). Институт банкротства граждан предусматривает иной – экстраординарный – механизм освобождения лиц, попавших в тяжелое финансовое положение, от погашения требований кредиторов, – списание долгов. При этом целью института потребительского банкротства является социальная реабилитации гражданина – предоставление

ему возможности заново выстроить экономические отношения, законно избавившись от необходимости отвечать по старым обязательствам, чем в определенной степени ущемляются права кредиторов, рассчитывавших на получение причитающегося им.

Вследствие этого к гражданину - должнику законодателем предъявляются повышенные требования в части добросовестности, подразумевающие помимо прочего честное сотрудничество с финансовым управляющим и кредиторами, открытое взаимодействие с судом. П. 4 ст. 213.28 Закона о банкротстве установлен перечень признаков недобросовестного поведения гражданина, исключающих возможность использования особого порядка освобождения от погашения задолженности через процедуры банкротства. К числу таких признаков абз. 3 п. 4 ст. 213.28 Закона о банкротстве относит непредоставление гражданином необходимых сведений (предоставление заведомо недостоверных сведений) финансовому управляющему или арбитражному суду, рассматривающему дело о банкротстве.

В процедурах банкротства на гражданина - должника возлагаются обязательства по предоставлению информации о его финансовом положении, в том числе сведений об источниках доходов (п. 3 ст. 213.4, п. 6 ст. 213.5 Закона о банкротстве).

Неисполнение данной обязанности не позволяет оказать гражданину действенную и эффективную помощь в выходе из кризисной ситуации через процедуру реструктуризации долгов, создает препятствия для максимально полного удовлетворения требований кредиторов, свидетельствует о намерении получить не вытекающую из закона выгоду за счет освобождения от обязательств перед лицами, имеющими к нему требования. Подобное поведение неприемлемо для целей получения привилегий посредством банкротства.

Суд вправе отказать в применении положений абз. 3 п. 4 ст. 213.28 Закона о банкротстве лишь в том случае, если будет установлено, что нарушение, заключающееся в нераскрытии необходимой информации, являлось малозначительным либо совершено вследствие добросовестного заблуждения гражданина - должника. Бремя доказывания указанных обстоятельств лежит на самом должнике (ст. 65 АПК РФ). В рассматриваемом случае Зиборов Ю.Н. соответствующие обстоятельства не подтвердил.

Так, малозначительным является, в частности, такое непредставление информации, которое не создает угрозы причинения вреда имущественным интересам кредиторов. Однако поведение Зибора Ю.Н. не было обусловлено ошибкой, совершенной при добросовестном заблуждении. Он умышленно скрыл информацию о замещении им должностей руководителей в двух коммерческих организациях. Ведение документации предприятий, о которых Зиборов Ю.Н. сознательно умолчал, находилось в сфере его контроля как руководителя. Поэтому само по себе то, что отраженная должником сумма дохода от исполнения полномочий единоличных исполнительных органов была существенно ниже совокупного размера требований кредиторов, не характеризует правонарушение как малозначительное.

С учетом изложенного к Зиборову Ю.Н., уклонившемуся от предоставления финансовому управляющему, кредиторам и суду необходимых сведений, в силу абз. 3 п. 4 ст. 213.28 Закона о банкротстве не подлежали применению правила об освобождении от исполнения обязательств.

Банкротство застройщиков.

[Определение ВС РФ от 25.01.18 № 308-ЭС17-14180 \(1,2\)](#)

Не может быть включено в реестр требований о передаче жилых помещений должника-застройщика требование о передаче жилого помещения, если данным помещением на основе титула уже владеет другое лицо. В рамках дела о банкротстве застройщика включение требования в реестр требований о передаче жилых помещений (ст.ст. 201.4 и 201.7 Закона о банкротстве) направлено на защиту тех же интересов, что и удовлетворение иска об отобрании индивидуально-определенного имущества у должника по правилам ст. 398 ГК РФ. В ситуации, когда владение уже принадлежит одному из покупателей и возникло на основе титула (например, права собственности), не предполагающего возврат данного владения (п. 26 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.03.2016 № 7 "О применении судами некоторых положений ГК РФ об ответственности за нарушение обязательств"), удовлетворение требования к продавцу о передаче квартиры невозможно.

Кредитором по требованию о передаче жилого помещения, которым на основе титула владеет другое лицо может быть предъявлено требование о взыскании убытков. Требование может быть

предъявлено непосредственно к владеющему покупателю при определенных условиях (например, в случае его недобросовестности).

В рамках дела о банкротстве должника Мадиева М.Н. обратилась в суд с заявлением о включении в реестр требований кредиторов должника требования о передаче пяти квартир. В обоснование своих требований Мадиева М.Н. указала на заключение с должником пяти договоров инвестирования финансовых средств в строительство жилого дома. Судами трех инстанций требование удовлетворено.

Разрешая спор, суды первой и апелляционной инстанций, с выводами которых согласился суд округа, исходили из надлежащего исполнения Мадиевой М.Н. своих обязательств по договорам инвестирования в части внесения денежных средств за квартиры.

Возражая против заявленных требований, третьи лица указывали, что заключили с должником договоры о покупке спорных квартир в 2007-2009 годах и на момент заключения договоров с Мадиевой М.Н. (2011 год) квартиры были переданы им в фактическое владение, где они произвели работы по ремонту жилых помещений и оплачивали коммунальные услуги.

Названные обстоятельства судами не исследовались, поведение Мадиевой М.Н. на соответствие стандарту обычной разумности и добросовестности не оценивалось, а, следовательно, вывод по существу спора преждевременен.

В рамках дела о банкротстве застройщика включение требования в реестр требований о передаче жилых помещений (ст.ст. 201.4 и 201.7 Закона о банкротстве) направлено на защиту тех же интересов, что и удовлетворение иска об отобрании индивидуально-определенного имущества у должника по правилам ст. 398 ГК РФ.

В ситуации, когда владение уже принадлежит одному из покупателей и возникло на основе титула (например, права собственности), не предполагающего возврат данного владения (п. 26 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.03.2016 № 7 "О применении судами некоторых положений ГК РФ об ответственности за нарушение обязательств"), удовлетворение требования к продавцу о передаче квартиры невозможно. Подобное требование может быть предъявлено непосредственно к владеющему покупателю при определенных условиях (например, в случае его недобросовестности).

При установлении обстоятельств, на которые ссылаются третьи лица, в частности, что Мадиева М.Н. заключала договоры с застройщиком в условиях, когда владение ранее передано другим покупателям либо в условиях наличия зарегистрированного права собственности на квартиры, настоящее требование, в том виде как оно сформулировано, удовлетворению не подлежит.

Прочие вопросы.

[Определение ВС РФ от 14.02.2018 № 305-ЭС15-3068 \(3\)](#)

Механизм замещения активов для реализации прав кредиторов на получение удовлетворения своих требований не является ординарным и может быть использован только в случае, когда совокупность замещаемых активов отвечает признаку предприятия по смыслу п. 1 ст. 110 Закона о банкротстве, то есть имущественного комплекса, предназначенного для осуществления предпринимательской деятельности (п. 1 ст. 115 данного Закона). Разрешая вопрос о том, допустимо ли на базе конкретного имущества проводить процедуру замещения активов, необходимо исходить из того, что потенциальный покупатель, приобретая подобный имущественный комплекс, должен иметь возможность без лишних сложностей приступить к ведению бизнеса. Отсутствие соответствующего признака свидетельствует о недопустимости осуществления названной процедуры.

Тот факт, что созданному юридическому лицу переданы все имевшиеся у должника активы (дебиторская задолженность, земельный участок), существовавшие до банкротства, не свидетельствует о допустимости замещения активов, поскольку сама по себе принадлежность имущества одному лицу (должнику) не образует подчиненность данного имущества общей хозяйственной цели и не образуют единого имущественного комплекса, с точки зрения рыночной экономики.

По результатам проведения собрания кредиторов должника принято решение не проводить торги по реализации имущества должника посредством публичного предложения. Вместо этого кредиторы решили провести процедуру замещения активов путем создания Акционерного общества, 100 % акций которого будут принадлежать должнику, с уставным капиталом в размере 150 300 000 руб., поделенным на 150 300 обыкновенных именных бездокументарных акций.

В качестве вноса в уставный капитал вновь образованному обществу подлежит передаче имущество должника: 96 000 руб., земельный участок, дебиторская задолженность рыночной стоимостью 127 737 000 руб. Кроме того, кредиторы решили, что в случае выявления иного имущества должника оно подлежит передаче вновь созданному акционерному обществу либо иному обществу также в рамках процедуры замещения активов.

Отказывая в удовлетворении заявлений о признании недействительными вышеуказанных решений собрания кредиторов должника, суды отметили, что продажа имущества должника на первоначальных и повторных торгах не состоялась ввиду отсутствия заявок потенциальных покупателей, в связи с чем сочли, что передача данного имущества в дочернее общество и продажа соответствующих акций будет для должника более выгодным, чем продолжение реализации самих активов в рамках публичного предложения. По мнению судов, заявители не доказали, что оспариваемые решения приведут к продаже имущества по более низкой цене.

Между тем судами первой и апелляционной инстанций не учтено следующее.

В предбанкротный докризисный период в условиях нормального функционирования хозяйственной деятельности и положительных показателей платежеспособности коммерческая организация использует принадлежащее ей имущество, по общему правилу, для достижения своих уставных целей, то есть для извлечения прибыли (п. 1 ст. 50 ГК РФ). Такое имущество представляет собою единый обособленный комплекс, который в случае возникновения финансовых затруднений, признания организации банкротом и открытия конкурсного производства в силу ст. 131 Закона о банкротстве образует конкурсную массу должника (помимо того имущества, которое в силу своего статуса и прямого законодательного регулирования подлежит исключению из нее), на получение доли из которой претендуют все его кредиторы, формирующие единое гражданско-правовое сообщество (определение Верховного Суда Российской Федерации от 20.11.2017 № 305-ЭС16-10852(3)).

По общему правилу, в конкурсном производстве имущество должника подлежит реализации на торгах, после чего вырученные средства расходуются на погашение требований кредиторов с учетом принципов очередности и пропорциональности (ст.ст. 134, 139 и 142 Закона о банкротстве).

Однако при определенных обстоятельствах поступление денежных средств в конкурсную массу может быть обеспечено не только путем продажи самого имущества, но и через процедуру замещения активов, которая подразумевает создание на базе имущества должника акционерного общества (ст.ст. 115 и 141 Закона о банкротстве), с последующей продажей акций данного общества на торгах и распределением вырученных средств между кредиторами должника.

Такой механизм реализации прав кредиторов на получение удовлетворения своих требований не является ординарным и может быть использован только в случае, когда совокупность замещаемых активов отвечает признаку предприятия по смыслу п. 1 ст. 110 Закона о банкротстве, то есть имущественного комплекса, предназначенного для осуществления предпринимательской деятельности (п. 1 ст. 115 данного Закона).

Разрешая вопрос о том, допустимо ли на базе конкретного имущества проводить процедуру замещения активов, необходимо исходить из того, что потенциальный покупатель, приобретая подобный имущественный комплекс, должен иметь возможность без лишних сложностей приступить к ведению бизнеса. Отсутствие соответствующего признака свидетельствует о недопустимости осуществления названной процедуры.

При рассмотрении настоящего обособленного спора суды не привели мотивы, по которым сочли, что названные виды имущества связаны между собой, а также по каким причинам они могут рассматриваться как образующие единый имущественный комплекс. В связи с этим отсутствуют разумные основания полагать, что на базе такого имущества может быть организован бизнес и вестись полноценная предпринимательская деятельность. Тот факт, что созданному юридическому лицу переданы все имевшиеся у должника активы, существовавшие до банкротства, не свидетельствует о допустимости замещения активов, поскольку сама по себе принадлежность имущества одному лицу (должнику) не образует подчиненность данного имущества общей хозяйственной цели, с точки зрения рыночной экономики.

Вывод судов относительно повышенной выгоды от замещения активов по сравнению с продажей имущества по частям основан на восприятии ничем не подтвержденной позиции заинтересованных лиц (в частности, компании и конкурсного управляющего должника). В обоснование данного вывода также не приведено ни одного мотива, указывающего на возрастание для потенциальных покупателей привлекательности объединенных вместе дебиторской задолженности и земельного участка.

Кроме того, судами не учтено, что фактически единственным ликвидным активом, переданным новому лицу, являлся земельный участок (поскольку обязанностями по дебиторской задолженности преимущественно являлись лица, признанные несостоятельными). Однако целесообразность продажи земельного участка не как самостоятельной вещи, а под видом акций, каким-либо образом не подтверждена.

IV. НОВЫЕ НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ В СФЕРЕ БАНКРОТСТВА:

1. Монографии

Суворов Е.Д. [Банкротство в практике Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации: энциклопедия правовых позиций за 2014–2017 гг.](#) (Статут, 2018).

[Правовое регулирование экономических отношений. Несостоятельность \(банкротство\)](#) / Под ред. д.ю.н., проф. Е.П. Губина, д.ю.н., проф. С.А. Карелиной. (Статут, 2018).

[Лотфуллин Р.К. Субсидиарная и иная ответственность контролирующих должника лиц при банкротстве](#)

2. Диссертации

[Бронников А.М. Правовое регулирование реализации заложенного имущества на торгах](#)

Дата защиты: 16.03.2018

Место защиты: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

[Семёнова Е.А. Право конкурсного оспаривания в Российской Федерации](#)

Дата защиты: 15.03.2018

Место защиты: Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)

3. Статьи

Журнал "Арбитражная практика для юристов"

Январь

[Улезко А. Права миноритарного кредитора в деле о банкротстве: семь возможностей взыскать долг](#)

[Высоцких С., Устинович М. Залог прав требования при банкротстве залогодателя: как получить долг в приоритетном порядке](#)

[Саримсоков Ф. Мирное соглашение в деле о банкротстве: четыре условия, которые убедят суд](#)

Февраль

[Кондратенко Е.О. ВС изменил подход к оспариванию сделок по выводу активов. Какой стратегии придерживаться](#)

[Залоговый кредитор в деле о банкротстве. Пять ключевых позиций Верховного суда](#)

Журнал "Юрист компании"

[Кузьмин Р. Должник оказался банкротом. Мирное соглашение поможет получить деньги](#)

[Крылов Е. Обзор ФНС: когда удастся взыскать с директора убытки и оспорить сделки](#)

Январь

[Кондратенко Е.О. Обзор практики арбитражных судов кассационной инстанции по привлечению контролирующих лиц к субсидиарной ответственности по обязательствам ООО в случае его банкротства по вине этих лиц](#)

Февраль

[Ломакина П.А. Оспаривание алиментных соглашений в банкротстве. Новый взгляд ВС РФ](#)

[Кокорин И.В. Все кредиторы равны, но некоторые равнее других](#)

Журнал "Хозяйство и право"

№ 1

Карелина С. Источники правового регулирования отношений несостоятельности (банкротства)

Гутников О. Возмещение убытков в деле о банкротстве: новые виды ответственности или неудачное использование известных институтов?

Амелин А. Совместное банкротство супругов: актуальные проблемы

№ 2

Карелина С. Источники правового регулирования отношений несостоятельности (банкротства)

Гутников О. Субсидиарная ответственность за неисполнение обязанности подать заявление о банкротстве: новые правила

№ 3

Карелина С. Источники правового регулирования отношений несостоятельности (банкротства)

Гутников О. Субсидиарная ответственность контролирующих лиц за невозможность полного погашения требований кредиторов

4. Блоги

[Амбарцумов А. Настоящая и будущая редакции п. 8 ст. 42 Закона о банкротстве и новое слово в практике его применения Арбитражным судом Московской области](#)

[Арутюнян Т. Антикредиторский подход ВС к субсидиарной ответственности контролирующих лиц // Друзьям - все, врагам - Постановление Пленума ВС N53](#)

[Бойко М. Жуньпэн-презумпции Верховного Суда](#)

[Власьевская Д. Начисление процентов на мораторные проценты](#)

[Зазулин А. Как реализовать предмет залога по общему обязательству супругов-банкротов?](#)

[Зорина И. Банкротство. Что год грядущий нам готовит](#)

[Иванов А. Субсидиарная ответственность при банкротстве. Вопросы теории \(передача 117\)](#)

[Иванов А. Субсидиарная ответственность при банкротстве. Презумпции контроля должника \(передача 118\)](#)

[Иванков Н. Об исключении долей в уставных капиталах обществ из конкурсной массы гражданина](#)

[Изосимов С. Судьба займов, предоставляемых участниками корпораций последним, в процессе банкротства в США // В продолжение обсуждения определения СКЭС ВС РФ № 305-ЭС15-5734 от 12.02.2018](#)

[Мличковский А. Восстановление поручительства при признании сделки по прекращению обязательства недействительной](#)

[Нестеренко Ю. Получил платежи от покупателя, а они оказались сделками с предпочтением другим кредиторам: не проявление должной осмотрительности карается возвратом денежных средств в конкурсную массу](#)

[Семенцов П. Размышления о фиктивном банкротстве \(ст. 197 Уголовного кодекса РФ\)](#)

[Тараданов Р. "Принуждение к товариществу" // Нормы главы 55 ГК РФ как возможный инструмент борьбы с дроблением бизнеса и "секьюритизацией активов", в том числе в рамках банкротства](#)

[Улезко А. Три новых правила Постановления Пленума ВС РФ № 53 об ответственности контролирующих лиц в деле о банкротстве](#)

[Федоров П. АСВ начало проигрывать споры об оспаривании операций по снятию вкладов](#)

[Хлюстов П. Топ-3 дел о банкротстве, рассмотренных ВС РФ в 2017 году](#)

[Чернер М. Без права на судебную защиту?](#)

[Шейн И. Исключение автомобиля из конкурсной массы в процедуре банкротства](#)

[Ягнакова Е. Работа предприятия в конкурсном производстве. Законно ли?](#)

[Ягнакова Е. Замещение активов в конкурсном производстве. На самом ли деле страшен черт, как его рисуют?](#)

[Ян С. Моральный вред учитывается отдельно в 3 очереди РТК \(в порядке п. 3 ст. 137 Зоб\) или является голосующим требованием?](#)

***

Ответственный редактор Дайджеста:

Алексей Мороз, адвокат,
магистр частного права
(РШЧП), к.э.н.,
управляющий партнер
Адвокатского бюро
"Эксиора" город Москва

Редакторы:

Татьяна Иванова
(юрист, АБ "Эксиора")

Дарья Нюхалкина
(юрист, АБ "Эксиора")

Гульнара Исмаилова
(юрист-эксперт, редактор
портала Закон.ру)

Фаррух Саримсоков
(юрист, КА "Юков и
партнеры")

Подписаться на регулярное получение Дайджеста можно [здесь](#)

С предыдущими выпусками Дайджеста можно ознакомиться [здесь](#).

Отписаться от получения данной рассылки можно [здесь](#)

Контактная информация:

Юридический институт "М-Логос"

<http://www.m-logos.ru>

E-Mail: digest@m-logos.ru

Тел. +7 (495) 771-59-27

Адвокатское бюро "Эксиора"

<http://exiora.ru>

E-Mail: info@exiora.ru

Тел. +7 (495) 762-62-44